

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

С Т А Т Ь И И М А Т Е Р И А Л Ы
П О Б О Л Г А Р С К О Й
Д И А Л Е К Т О Л О Г И И
С С С Р

Выпуск 2

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
М о с к в а 1 9 5 2

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
Институт славяноведения

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
ПО БОЛГАРСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
С.С.С.Р.

Выпуск 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1952

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
проф. С. Б. БЕРНШТЕЙН

ОТ РЕДАКЦИИ

«Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР» начали печататься в изданиях Института славяноведения в 1950 г. Первый выпуск «Статей и материалов» помещен во II томе «Ученых записок Института славяноведения» (1950 г.). Начиная с настоящего, второго, выпуска, «Статьи и материалы» будут выходить отдельным изданием.

В сборниках будут публиковаться материалы и исследования, посвященные изучению диалектов болгарского языка, представленных на территории Советского Союза.

Задача изучения местных («территориальных») диалектов, которые «обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд»¹, является одной из важных и актуальных задач советского языкознания.

Статьи, публикуемые во втором выпуске «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР», непосредственно связаны с работой над «Атласом болгарских говоров СССР».

Одновременно Институтом славяноведения было начато монографическое изучение отдельных болгарских говоров. В настоящее время ведется большая работа по изучению говоров восточнофракийского типа. Носители этих говоров переселились в Россию с территории, которая находится в пределах Турции.

Описания и исследования отдельных болгарских говоров будут публиковаться в последующих выпусках «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР».

---

¹ И. Стalin. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат 1950, стр. 43.

С. Б. БЕРИШТЕИН

БОЛГАРСКИЕ ГОВОРЫ ЮЖНОГО БУДЖАКА

В южной Бессарабии, известной в прежние времена под наименованием Буджака¹, живет большое количество болгар, переселившихся сюда на правах «иностранных колонистов» в первой трети XIX в.

Впервые на этой территории болгары появились значительно раньше. Так, в г. Измаиле, игравшем большую роль в экономической жизни северо-восточного района Балканского полуострова, болгары жили уже в середине XVII в. Именно в это время Измаил посетил антиохийский патриарх Макарий и его многочисленные спутники. Сын Макария, архидиакон Павел Алеппский, писал: «Затем мы прибыли к известному городу *Смил*, который турки называют Исаимлом, дав ему наименование, любезное их сердцу. Говорят, что в этом городе проживает более двенадцати тысяч семейств валахов и болгар, которые бежали от притеснений турок и поселились тут, ибо жизнь здесь приятна, и они пользуются справедливостью и безопасностью, а налоги, помимо харача, ничтожны»². Что же касается массовой крестьянской колонизации, то она началась значительно позже. Первые болгарские поселения создавались за пределами Буджака. Болгарские переселенцы XVIII в. селились преимущественно восточнее Бессарабии (например, болгары

¹ Б у д ж а к о м называлась степная часть Бессарабии к югу от линии Леово — устье р. Ботны (ныне территория Молдавской ССР и Измаильской области УССР).

² «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским». Пер. с арабского Г. Муркоса, вып. 5, М., 1900, стр. 105.

нынешнего Ольшанского района Одесской области, поселившиеся на территории России в 1774 г.). Между 1769 и 1791 гг. в Бессарабию переселилось около 2000 болгар. Небольшими группами они оседали в городах Измаиле, Килии, Бендерах, Аккермане (Белгород-Днестровский), Рени и Кишиневе и не могли оказать какого-либо существенного влияния на этнографический состав тогдашней Бессарабии. Совсем незначительная часть болгар поселилась на землях молдавских помещиков.

Массовый характер болгарское иммиграционное движение приняло с 1801 г., но и оно не затронуло Буджака, так как в это время он не входил в состав России. В первые годы XIX в. были основаны известные и теперь болгарские села Благоево (Большой Буялык, или Кошково), Кубанка, Малый Буялык (Свердлово), Катаржино (Сталино), Терновка (близ Николаева), Парканы¹.

Положение коренным образом изменилось в результате русско-турецкой войны 1806—1812 гг., когда Бессарабия была присоединена к России. Седьмая статья Бухарестского мирного договора гласила: «Магометанские жители уступленных земель Российскому Императорскому Двору, которые могли бы в оных находиться по причине войны, и природные жители других мест, оставшиеся в продолжение войны в сих же уступленных землях, могут, буде пожелают, перейти в области Блистательной Порты с их семействами и имением, и там навсегда оставаться под ее властию...»². Договор предусматривал 18-месячный срок для переселения. Выселение татарского населения из Буджака соответствовало желанию русского правительства, которое хотело заселить эти земли славянами. Дело в том, что тот же договор предусматривал переселение из Турции в Россию «христиан», т. е. болгар. Сразу же после заключения Бухарестского договора (а частично и раньше) на освободившуюся землю

¹ А. А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, стр. 89—91.— Не все даты Скальковского точны.

² Полное собрание законов Российской империи, собр. I, т. XXXII. СПб., 1830, стр. 319.

Буджака начали переселяться большими партиями болгары, покидающие свою родную землю из-за произвола турецких властей и террора, чинимого различными делибашами и кирджалями.

Русское правительство оказывало широкую поддержку этому переселению. Первые годы после войны (как и раньше) вопросами переселения ведал Новороссийский генерал-губернатор. В 1818 г. было организовано специальное Попечительство, которое сыграло большую положительную роль в «устроении быта задунайских переселенцев».

Раньше всего болгары начали заселять западную часть Буджака. В Прутском округе болгары поселились в Джурджулешти (село основано некрасовцами до 1806 г., болгары поселились здесь позже), Анадоле и в некоторых других соседних селах. Уже в то время здесь преобладало молдавское население. Вместе с болгарами переселялись и гагаузы. В Прутском округе они заселили села Волконешти, Чешмекёй и некоторые другие.

Большее число болгар осело в Кагульском округе — в селах Сатунов, Карагач, Курчи и Импуцита (1812—1814 гг.) — и особенно много в Измаильском округе — в селах Табаки, Шоп-Тараклия, Чийшия, Кубей, Чешма-Варуита, Бабели, Каракурт, Таш-Бунар, Долукёй (заселено молдаванами в 1806 г.; болгары поселились в нем позже), Кайраклия (Лощиновка). Все эти села были основаны между 1811—1814 гг.

В Нижне-Буджакском районе Буджакского округа болгар поселилось меньше. К 1816 г. здесь были известны села Шикирли-Китай (Суворово), Траян (позднее стал называться Старый Траян), Еникёй и Кот-Китай. Все эти села указаны в сохранившейся ведомости 1816 г.¹, а также в «Ведомости округам, учреждаемым в Бессарабской Области для поселения болгар и других Задунайских переселенцев», утвержденной Александром I 29 декабря 1819 г.² Через несколько лет в

¹ См. М. Г. Попруженко. Из материалов по истории славянских колоний в России. Одесса, 1909.

² См. Полное собрание законов Российской империи, собр. I, т. XXXVI. СПб., 1830, стр. 519.

этом же районе были основаны еще села: Бановка (1821 г.), Новоивановка и Задунаевка (1822 г.).

Много «задунайских переселенцев» осело в Верхне-Буджакском районе Буджакского округа. Однако огромное большинство их составляли не болгары, а гагаузы, которых в то время (да и значительно позже) ни администрация, ни исследователи Бессарабии не отличали от болгар. Гагаузы основали села Дёзгиндже (1812 г.), Казаякли (1812 г.), Бешгёэ (1811 г.), Конгаз (1811 г.), Баурчи (1812 г.), Бешалма (1814 г.) и много других. Скальковский ошибочно датирует основание гагаузского села Гайдар 1820 годом. В упомянутой выше «Ведомости» 1819 г. указано это село. В том же районе были основаны села Комрат и Кирсов, в которых поселились болгары и гагаузы. Точных сведений о году основания Комрата не сохранилось. Нет никаких сведений об этом и у Скальковского. Клаус ошибочно указывает 1829 год. Однако в 1819 г. это село уже существовало и упоминается в «Ведомости» 1819 г. по Буджакскому округу под № 14. В сохранившемся рапорте Малявинского генералу И. Н. Инзову от 7 сентября 1820 г. мы узнаем о жителях селения Комрат, задунайских переселенцах Тодоре Влахе, Иване Варбане, Кирияке Варбане и Нейко Топале, «переселившихся назад тому первые — три-четыре года, последние — два». Таким образом, село Комрат уже существовало в 1816—1817 гг. Основано оно было между 1812 и 1816 гг.

Село Кирсов, по Скальковскому, основано было «болгарами, вышедшими из-за Дуная в 1830 году»¹. Эта датировка ошибочна. Село было основано гораздо раньше. В «Ведомости» 1819 г. по Буджакскому округу Кирсов указан под № 12.

К концу второго и началу третьего десятилетия XIX в. число переселенцев-болгар было уже так велико, что западная часть Буджака получила название «Новой Болгарии». Село Табаки с 1819 г. стало административным центром всех задунайских колоний и переименовано было в Болград. Однако

¹ А. А. Скальковский. Цит. соч., стр. 76.— Вслед за Скальковским эту же ошибочную дату указывает и Клаус.

генерал Инзов для строительства административного центра выбрал новое, более удобное место в нескольких километрах к югу от Табаки. Здесь, на высоком берегу озера Ялпух, в 1821 г. заложен был город, который стал называться Болградом. Селу Табаки вернули старое название¹.

Новая иммиграционная волна была вызвана русско-турецкой войной 1828—1829 гг. Еще во время войны, а затем после заключения Адрианопольского мирного договора в Россию устремилось большое количество переселенцев. Большая их часть осела на новых землях в 1830 г. Именно в этом году были основаны следующие болгарские села в Бессарабии: Вайсал, Дермендере (оба села в Измаильском округе), Кирютня, Вале Перже (село было основано раньше, но до 1830 г. здесь жили только молдаване), Твардица, Дюлмен, Девлетагач, Пандаклия, Гасан-Батыр, Главан, Голица, Фынтына-Дзинилор, Селиоглу, Чумлен, Купоран, Исерлия, Делджилер, Боргудж, Кулевча, Тропоклу, Камчик, Новый Карагач (все села в Буджакском округе). В том же году (т. е. в 1830) была заселена болгарами Новопокровка Буджакского округа, основанная задунайскими запорожцами в 1812 г.

Итак, в 1830 г. произошло заселение восточных районов Буджака, где к этому времени было еще много свободной земли. Основная масса переселенцев этого периода состояла из болгар; гагаузов было уже совсем мало: в это время не было основано ни одного гагаузского села.

Новые болгарские переселенцы (так наз. беженари) во многом отличались от старых, которые получили наименование «туканцев» (т. е. местных). Особенно значительными были различия в языке. Объяснялось это тем, что переселенцы 1829—1830 гг. в массе своей были из юго-восточных районов Болгарии, а также из южнобалканских областей (главным образом из района Сливена); тукаинцы же в своей массе были из северо-восточных областей Болгарии.

¹ С. Б. Бернштейн. О языке города Болграда. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. II, М.—Л., 1950.

* * *

Значительные события в жизни бессарабского болгарского населения были связаны с русско-турецкой войной 1853—1856 гг. Во время этой войны в Бессарабию также прибыло немало болгарских иммигрантов. Однако большая их часть позже вернулась на родину.

Согласно Парижскому договору, как известно, весь южный Буджак отошел от России и был присоединен к Молдавии¹. В связи с этим 40 болгарских и гагаузских сел (из общего числа 83) вместе с городом Болградом оказались на территории Молдавского княжества.

От России отошли следующие болгарские села: Новый Карагач, Троцоклу, Еникёй, Новопокровка, Старый Траян, Фынтына-Дзинилор, Шикирли-Китай, Бановка, Таш-Бунар, Вайсал, Кайраклия, Дермендере, Долукёй, Каракурт, Чешма-Варуита, Бабели, Табаки, Курчи, Импудита, Сатунов, Карагач, Анадол и Джурджулешти. Кроме того, отошли город Болград, населенный преимущественно болгарами, и города Измаил, Килия и Рени, в которых значительную часть населения составляли болгары. Огромное большинство болгар южного Буджака принадлежало к старым иммигрантам (т. е. переселившимся

¹ Граница территории, отторгнутой от России, определялась мирным трактатом 1856 г. следующим образом: «Началом сей граничной черты постановляется пункт на берегу Черного моря в расстоянии на один километр к востоку от соленого озера Бурнаса, она примкнет перпендикулярно к Аккерманской дороге, по коей будет следовать до Траянова вала (нижнего. — С. Б.) и потом вверх по реке Ялпуху до высоты Сарацика и до Катамори на Пруте. От сего пункта вверх по реке прежняя между обеими Империями граница остается без изменения» (Полное собрание законов Российской империи, собр. II, т. XXXI, отд. 1, 1856, СПб., 1857, стр. 229). На карте Бессарабской губернии, приложенной к «Истории Молдавии» (т. I, Кишинев, 1951), территория, отошедшая к Молдавскому княжеству, показана ошибочно. Так, согласно карте от России отошли Шоп-Тараклия, Ново-Ивановка и даже Комрат, который, как известно, после 1856 г. стал административным центром болгарских сел на русской территории.

до войны 1828 — 1829 гг.). «Беженари» (т. е. переселенцы 1829 — 1830 гг.) жили в селе Фынтына-Дзинилор, Дермендере, в славянском и ямпольском кварталах Болграда, в Вайсале и частично в городах Измаиле, Килии и Рени.

Мирный договор давал право жителям отошедших от России населенных пунктов в течение трех лет решить вопрос о местожительстве и подданстве. Молдавское правительство, в свою очередь, торжественно заявило, что будет признавать все права и привилегии, которые местное население имело прежде. «Молдавское правительство, по первому поступившему ходатайству от болгарского населения, согласилось сохранить все права и преимущества, которыми пользовались болгары в России, и даже, по желанию населения, выдало им письменный в том акт, за подписью бывшего владетельного князя Молдавии и министров его...»¹. Однако сразу же по истечении трехлетнего срока молдавское правительство стало нарушать права колонистов, предоставленные им русским правительством. Началось с того, что в конце 1860 г. введена была рекрутская повинность, приведшая к народному волнению в Болграде 8 ноября 1860 г.; среди колонистов были убитые и раненые. Эти события дали толчок к переселению первой группы болгар (600 чел.) в ближайшее село Кубей, расположенное на русской территории. Очень скоро переселение приняло массовый характер. С конца 1860 по начало 1862 г. на территории южного Буджака происходили значительные передвижения болгарского населения. Часть населения покидала южный Буджак и переходила на русскую территорию; другая перемещалась в пределах территории южного Буджака.

Некоторые болгарские села (Тропоклу, Новый Карагач, Новопокровка) совершенно опустели. После ухода болгар в села пришло украинское население, потомки которого живут здесь и поныне. Старшее поколение помнит, что села были основаны болгарами: по словам одного колхозника (рожд. 1885 г.),

¹ И. С. Иванов. Сборник статей. Кишинев, 1896, стр. 9.

жителя села Новый Карагач, его родители совсем еще молодыми пришли в село, где нашли не только совершенно пригодные для жилья дома и различные угодья, но даже кое-какой сельскохозяйственный инвентарь. В хорошем состоянии были и фруктовые сады.

Все болгарское население ушло из села Бабели и значительная часть — из Кайраклии. В Кайраклию же переселились почти все болгарское население села Сатунова. Ушла на русскую территорию часть населения Чешма-Варуиты, Каракурта, Импуциты, Бановки, Фынтына-Дзинилор, Шикирли-Китая, Дермендере, Долукёя и других сел. И в этих селах в связи с уходом части жителей происходила перегруппировка населения. Так, на освободившиеся земли Бановки пришло болгарское население из Шикирли-Китая, Болграда, а также несколько молдавских и украинских семейств. Появились молдаване и в селе Фынтына-Дзинилор. На освободившуюся землю в селе Импуцита осели болгарские переселенцы из сел Анадол, Джурджулешти и Карагача. В свою очередь, в Карагаче оказались переселенцы из Джурджулешти (так наз. джурковцы) и из Анадола. В результате этих передвижений в Джурджулешти болгарский элемент исчез совсем. Почти не осталось болгар в Анадоле и Сатунове.

Много болгар ушло из Таш-Бунара. И теперь жители этого села помнят, что из коренных жителей здесь осталось только пять семейств (Иоговы, Бошковы, Турицы, Жековы и Казанакли). Сюда же переселились болгары из Болграда (так наз. туканцы) и частично из других сел. Много болгар ушло в Таврию и из Старого Траяна. На освободившуюся землю пришло несколько семейств из Новопокровки, где, как мы уже сообщали, болгар совсем не осталось. Пришло сюда много гагаузов, которые в настоящее время составляют основное население Старого Траяна. Почти обезлюдел и Еникёй, куда затем переселились болгары из других сел.

Село Вайсал было заселено двумя группами болгар. В северной (верхней) части жили переселенцы из северо-восточной Болгарии, в южной (нижней) — переселенцы из Фракии.

В результате событий 1860 г. и из Вайсала ушла большая группа болгар (особенно из южной части села). Фракийцев в селе осталось мало, господствующее положение заняла северная группа.

В самом Болграде произошло в это время много событий. Значительная часть болгарского населения ушла на север. Еще больше болгар переселилось в опустевшие села южного Буджака. В то же время немало болгар из различных окрестных сел перешло на жительство в город. Переселение особенно затронуло восточную часть города; в западной части (в сливенском и ямпольском кварталах) население было более устойчивым.

Выше мы уже говорили, что переселение началось после истечения срока, предусмотренного Парижским договором. Оно было спровоцировано неожиданными действиями молдавского правительства и носило беспорядочный и хаотический характер. Население просто бежало через границу и останавливалось в ближайших болгарских селах, расположенных на русской территории. Оставаться здесь долго переселенцы не могли, так как не было ни свободных жилищ, ни свободной земли. Местная русская администрация провела большую работу по размещению переселенцев. Прежде всего были учтены все незанятые земли. Оказалось, что возле самой границы, в непосредственной близости к селу Табаки, имеется некоторое количество свободной земли. Именно здесь в 1862 г. были созданы два села — Болгарийка и Кайраклия II, где поселились выходцы из различных сел и Болграда. Позже сюда переселились болгары даже из более северных сел (например, из Шоп-Тараклии). В том же году возле самой границы основали село Калчевку, где поселились туканцы из Болграда. Занетов ошибочно считает, что Калчевка была основана вместе с Твардицей и другими селами в 1830 г.¹

¹ Занетов. Българските колонии в Русия («Периодическо списание...», кн. XLVIII, стр. 881, Средец, 1895). — Ошибочно к этому году Занетов относит и основание села Чийшии. Выше мы отмечали, что оно основано было до русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Некоторую часть населения удалось таким образом разместить, однако это не решало основного вопроса, так как число болгар, перешедших граничу, было слишком велико и местная администрация не могла разместить его своими силами.

К этому времени значительных свободных участков земли в Бессарабии уже не было. Не было свободной земли и в Херсонской губернии. В связи с этим русское правительство предоставило болгарам земли в Таврической губернии (1861—1862 гг.), куда и началось массовое переселение болгар. По далеко не полным данным, в Таврию в эти годы переселилось 21 500 человек обоего пола.

Выходцы из Кайраклии здесь, на новом месте своего жительства, основали села Гюневку и Радоловку; выходцы из Шикирли-Китая — село Софиевку; из Чешмы-Варуиты — сёла Богдановку и Степановку, в которой поселилось также много болгар из Болграда; из Вайсала — сёла Дяновку и Райнековку; из Таш-Бунара — Преслав и Инзовку; из Дермендере — сёла Цереводаровку (Ботево) и Строгановку; из Фынтына-Дзинилор и Бабели — Палаузовку; из Импуциты — Манойловку и Зеленовку; из Старого Траяна — Траяны и Андровку; из Новопекровки — село Федоровку; из Тропоклу — село Гирсовку; из Нового Карагача — Надеждино; из Еникёя — сёла Романовку (Коларовку) и Вячеславовку; из Бановки — сёла Бановку и Мариинко; из Карагача — Перво-Николаевку, Петровку и Анновку и др.

Все эти села расположены в Приазовье, и большая их часть находится на территории Приморского и Приазовского районов Запорожской области УССР. Небольшое число болгар из села Табаки поселилось в гагаузских сёлах Дмитровке и Александровке Акимовского района. О языке и быте этих болгарских переселенцев из южного Буджака в свое время много писал академик Н. С. Державин.

* * *

В данной статье мы ставим перед собой задачу определить диалектный тип говоров южного Буджака. Это очень важно не только для лингвиста, но и для историка, так как даст возмож-

ность определить старую территорию поселения наших болгарских иммигрантов и направление колонизационных волн в различные периоды.

Определение диалектного типа интересующих нас говоров не всегда разрешается легко. Выше мы видели, что в некоторых селах (например, в Тропоклу) теперь уже нет болгарского населения, в других (например, в Еникёе) оно смешанного и позднего происхождения.

Тем не менее поставленная нами задача выполнима. Она решается на основе наблюдений над современными говорами южной части Измаильской области УССР, а также на основе данных болгарских говоров Приазовья.

Легче и проще всего можно определить диалектную принадлежность болгар тех сел, из которых часть населения ушла, но в которые не переселялись болгары из других сел. Это наиболее архаические говоры, и непосредственное наблюдение дает сразу же ответ исследователю относительно их диалектной принадлежности. В таких случаях не требуется привлечения данных языка приазовских болгар. Однако таких сел мало; фактически их только два: Чешма-Варуита и Шикирли-Китай. Говоры этих сел цельные и совершенно ясные. На территории южного Буджака они изменились мало, сохранив в основном свой старый диалектный тип.

Несколько особое положение занимает говор села Вайсал. И в это село значительных переселений в 1861—1862 гг. не было, но, в отличие от Чешмы-Варуиты и Шикирли-Китая, здесь с самого начала был не один, а два резко противоположных говора.

В наше время южный говор Вайсала почти исчез и восстановить его на месте уже не представляется возможным. Эта задача была решена И. К. Буниной путем сопоставления говоров Вайсала, Дяновки, в которой до сих пор сохранился южновайсальский говор, и Райновки¹.

¹ И. К. Бунина. Из истории вайсальских говоров. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. II, М.—Л., 1950, стр. 242.

Современный говор села Бановки дает возможность судить о старом бановском говоре, несмотря на все более поздние передвижения населения. Переселенцы из Шикирли-Китая, говорившие на совершенно другом диалекте, не оказали заметного влияния на язык местных жителей. Видимо, новых переселенцев было мало. Больше пришло украинцев и молдаван, которые, естественно, не могли внести в говор инодиалектные болгарские черты.

То же самое можно сказать о современных говорах Долукёя, Дермендере, Импуциты и даже Таш-Бунара, из которого, как мы упоминали выше, ушла значительная часть населения. Переселенцы из Болграда (так наз. туканцы) говорили на диалекте, близком к таш-бунарскому. Изучение архаических черт таш-бунарского говора, произведенное летом 1948 г. группой болгароведов под руководством Н. Н. Луцкой, сравнение этих данных с данными академика Н. С. Державина, собранными им в селах Преслав и Инзовка, а также сравнение современных родственных говоров Таш-Бунара, Импуциты и Бановки свидетельствуют, что архаический слой современного говора Таш-Бунара преемственно сохраняет черты старого говора.

Мы располагаем данными для определения диалектной принадлежности говора сел Тропоклу и Новопокровки. Жители этих сел живут теперь в Приазовье.

Трудно решить вопрос о старом сатуновском говоре. Выше мы уже говорили, что почти все сатуновцы-болгары переселились в Кайраклию. В настоящее время в Кайраклии наблюдаем говор, возникший в результате смешения старого кайраклийского говора, известного нам по языку Радоловки и Гюневки, и двух сатуновских говоров (подробнее см. в статье Е. В. Чешко «К истории кайраклийского говора», помещенной в этом же выпуске).

Ясным представляется нам диалектный тип Карагача и Анадола. Очень трудно судить о говоре Джурджулешти, так как болгар там нет, а «джурковцы» Карагача и Импуциты уже не сохраняют старых диалектных черт.

* * *

Большинство говоров южного Буджака принадлежало к говорам северо-восточной Болгарии. Представителями шуменской группы здесь являются говоры Чешмы-Варуиты, Бабелей и Анадола. Шуменское происхождение говора Чешмы-Варуиты в свое время установил Н. С. Державин.

Среди северо-восточных болгарских говоров Бессарабии имеется группа говоров, которую мы условно называем чийшийской группой (по имени села Чийшия, расположенного в северном Буджаке, где этот тип говоров представлен в наиболее полном виде). Из характерных особенностей этой группы говоров укажем на последовательную утрату *х* в начале слова и в интервокальном положении и сохранение его в конце слова в именах существительных, прилагательных и в глаголах (*грях, сух, бях*); на окончание *ъ* под ударением в именах женского рода и в 1-м лице ед. ч. глаголов настоящего времени (*главъ, придъ*); на частицу *же* (*жъ*) в формах будущего времени; на членную форму — *ъ*; на отсутствие изменений в группах согласных (*падна, дребна*); на произношение *нъш, жъства, шъпа* и т. д. До переселения, связанного с русско-турецкой войной 1828—1829 гг., этот тип говоров в Бессарабии был господствующим. В южном Буджаке этот диалектный тип представлен в селах Карагач, Импуница, Таш-Бунар, Бановка. Это подтверждается в полной мере как данными говоров указанных сел, так и фактами приазовской диалектологии. Этот же чийшийский говор находим и в Измаиле.

Нет никакого сомнения в том, что известен этот говор был и Болграду. Обычно в Бессарабии представителей этого говора называют туканцами. Именно так называют жителей юго-восточной части Болграда. Однако здесь туканский говор фактически исчез под воздействием господствующего сливенского говора.

К северо-восточным болгарским говорам не шуменского и не чийшийского типа относятся говоры Дермендере, Каракурта, Курчи, северного Вайсала и села Фытына-Дзинилор. К этой же группе относились говоры Тропоклу и Новопокровки,

о чём свидетельствуют данные приазовских сел Федоровки (Новопокровки) и Гирсовки (Тропоклу)¹. В основе своей это все сливенские говоры.

В городе Болграде сливенский говор не только является родным говором сливенцев и ямбольцев, но лежит в основании общегородского койнэ.

Говор села Долукёя принадлежит к северо-восточным говорам Болгарии. Более точное его определение затруднительно, так как первоначальный его тип полностью восстановить теперь трудно. Дело в том, что из Долукёя значительная часть населения ушла в Таврию, а сюда переселилось много болгар из соседних сел. Современный долукёйский говор представляет смешение черт различных говоров. Не сохранился этот говор и в Приазовье.

На территории южного Буджака находим и представителей юго-восточных болгарских говоров. Эти говоры не знают чередований а — е в известных фонетических условиях, представляют членную форму м. р. — о, различные случаи ассимиляции в группах согласных, специфическое ударение на корневой гласной в повелительном наклонении и др. На различных говорах юго-восточного диалекта в южном Буджаке говорят жители Еникёя, Старого Траяна, Шикирли-Китая, Кайраклии, южной части села Вайсала и Нового Карагача.

Наиболее полно и последовательно юго-восточный болгарский диалект (точнее, восточнофракийский) сохранился в Шикирли-Китае. Здесь мы не найдем следов влияния соседних болгарских говоров. Нет никакого сомнения в том, что за 130 лет, прошедших с основания Шикирли-Китая, говор его населения изменился мало.

Иначе сложилась судьба юго-восточных говоров в других селах. В Вайсале сохранились лишь жалкие остатки от южного говора. Полностью господствует северо-восточный говор. Лучше этот говор сохранился в Старом Траяне, но и здесь

¹ См. подробнее в книге Н. С. Державина. Болгарские колонии в России, т. 2, Язык. Пг., 1915, стр. 119 и 134.

переселенцы из других соседних сел (напр., из Новопокровки) нарушили единую систему говора.

Современный болгарский язык села Еникёя не дает уже никакого представления о старом еникёйском говоре. Ныне здесь находим представителей различных говоров (о причинах этого см. выше). Старый же еникёйский говор сохранился в Приазовье, в селах Коларовке и Вячеславовке, жители которых в свое время оставили Буджак.

Старый кайраклийский говор представлен в приазовских селах Радоловке и Гюневке. Его южное происхождение бесспорно. В кайраклийском говоре находим ряд вариантов.

Совершенно особое место занимает сатуновский говор. Выше мы уже говорили, что болгарское население Сатунова переселилось в 1861 г. в Кайраклию. Теперь здесь проживает лишь несколько болгарских семейств. Большой интерес представляет их язык, не имеющий ничего общего с другими болгарскими говорами Бессарабии. По происхождению это говор восточно-родопский. Здесь почти нет редукции безударных гласных на месте чър находим начальную группу цър (*църница, църни*), последовательную йотацию в начале слова (*јабълка, јагне*), личное местоимение 1-го л. ед. ч. *ja*, местоимения *me, te, se*, западноболгарскую систему ударения и ряд других западноболгарских черт.

В заключение нужно сказать несколько слов о болгарском языке городов южного Буджака. В Рени и Килии болгарский язык исчез, поэтому судить о диалектных особенностях болгарских жителей этих городов теперь невозможно. Лучше дело обстоит в Измаиле, но и здесь болгарский язык исчезает. Выше мы уже говорили, что измаильский говор принадлежит к чийинской группе.

* * *

Определение диалектной принадлежности архаического говора каждого болгарского села имеет для нас большое значение. Работая над составлением лингвистических карт для

атласа болгарских говоров СССР, мы должны при наличии вариантов определить основную, архаическую форму данного говора. Сделать это, однако, бывает зачастую очень трудно, если прежде не определить общий диалектный тип архаичного говора. Именно эту задачу для говоров южного Буджака мы и попытались решить в данной статье.

Е. В. ЧЕШКО

К ИСТОРИИ КАЙРАКЛИЙСКОГО ГОВОРА

(Болгарский говор села Лощиновки Болградского р-на
Измаильской области УССР)

Среди болгарских сел Измаильской области УССР, расположенных на территории б. южного Буджака, большую часть составляют села со смешанными болгарскими говорами. Таковы говоры Старого Траяна, Кирничек, Еникёя, Таш-Бунара, Импушты, Карагача, Калинчака (Дермендере). К их числу относится также говор села Лощиновки Болградского района Измаильской области УССР (б. село Кайраклия).

Образование смешанных говоров в этих селах явилось следствием переселения значительной части болгар в Приазовье в период 1860—1862 гг.¹ и последовавшей за ним перегруппировки оставшегося на территории Бессарабии болгарского населения.

На территории южного Буджака имелись представители различных болгарских говоров: северо-восточных (так наз. чийшийские и чушмелийские говоры), южнобалканских (сливенские говоры), восточнофракийских и даже восточнородопских.

Обследуя болгарские говоры Измаильской области в 1948—1949 гг. по программе диалектологического атласа, мы могли наблюдать результаты смешения говоров после почти столетней совместной жизни в пределах одного села носителей разных говоров. Перед нами стояла задача представить на картах атласа

---

¹ Подробнее об этих событиях см. в статье С. Б. Бернштейна «Болгарские говоры южного Буджака», помещенной в этом же выпуске.

современное состояние каждого говора, его историю и наметившиеся тенденции развития отдельных языковых явлений. Осуществление этой задачи требовало восстановления истории каждого говора в пределах исследуемого нами материала, определения типа говоров, принявших участие в формировании данного смешанного говора, и роли каждого из них в этом процессе. Выполнение этой задачи облегчалось тем, что мы имели возможность привлечь материал приазовских говоров, где в ряде сел носители разных говоров, слившихся в Бессарабии, жили изолированно друг от друга.

Говор села Лощиновки — один из наиболее сложных болгарских говоров Бессарабии. Село Кайраклия I было основано в десятых годах XIX в. болгарами-скотоводами, выходцами из юго-восточной Болгарии. В 1862 г. значительная часть жителей Кайраклии переселилась в Таврию, основав там села Радоловку и Гюневку. Вместо ушедших в село пришли новые поселенцы из другого бессарабского села — Сатунова (ныне село Новосельское Ренийского района Измаильской области УССР), говорившие на другом диалекте. В результате взаимодействия разных говоров образовался смешанный говор, в котором до сих пор существует множество фонетических, морфологических и лексических вариантов, относящихся к разным типам говоров.

В настоящей статье будут рассмотрены следующие вопросы:

1. Определение типа лощиновского¹ говора и его современного состояния (соотношение различных вариантов в говоре, степень его унификации). Определение говоров, принявших участие в формировании лощиновского говора.
2. Восстановление исчезнувших в лощиновском говоре языковых черт кайраклийского и сатуновского говоров.
3. Судьба кайраклийского и сатуновского говоров в Лощиновке и за ее пределами (в селах Радоловке и Гюневке Андреевского района Запорожской области и селе Новосельском Ренийского района Измаильской области УССР).

---

¹ Термин «лощиновский говор» мы будем употреблять для обозначения современного смешанного говора села Лощиновки.

Основная задача настоящей статьи (см. п. 3) — проследить судьбу кайраклийского говора, принадлежащего к группе восточнофракийских болгарских говоров. Эта работа тесно связана с исследованием истории восточнофракийских говоров на территории СССР, проводимым Институтом славиноведения Академии Наук СССР.

В работе исследуется диалектологический материал, собранный в селе Лощиновке в сентябре 1948 и мае 1949 гг., в селе Новосельском — в августе 1949 г., в селах Радоловке и Гюневке — в феврале — марте 1950 г.

Объем привлекаемого в настоящей статье материала в основном не выходит за пределы программы лингвистического атласа болгарских говоров СССР.

В работе дано сопоставление изучаемых говоров с основными типами бессарабских болгарских говоров.

I

Болгары села Кайракли были официально наделены землей в 1821 г. на основании распоряжения Инзова (копия акта хранится и теперь в архиве сельсовета). Однако пришли в Бессарабию кайраклийские поселенцы значительно раньше. По рассказам М. М. Паскалова (1883 г. рожд.), первые болгарские поселенцы пришли в Кайраклию не прямо из Болгарии: сначала они жили в Карланешти (в 7—8 км от Конгаза), а потом перешли в Измаильский уезд. Болгары пришли сюда с большими стадами овец. На месте нынешнего села были плавни и заросли. Село было основано не сразу: «Жув'али гудйни пет не^вупре^иде^ил^ену, — сообщает М. М. Паскалов, — по^утому от три дирёта избрали ср'аднту дирё, да бъди ду Исмайл праф п'ят'у»¹. Здесь было основано село². Из первых поселенцев старики называют

¹ «Лет пять жили, не имея определенного места жительства. Потом из трех речек [речных долин] избрали среднюю, чтобы была прямая дорога на Измаил».

² В документе, датированном 1816 г., «Ведомость Томаровского, Кодрского и Гречанского цынутов о числе находящихся в оных селе-

фамилии Кёсевых, Паскаловых и Желевых. Из рассказа Паскалова следует далее, что несколько лет спустя после основания села туда прибыли новые поселенцы: «Сигá ни мба да пбмна кóлку гудйни си жув'али дурдé са набáвили хóра»¹. После ухода значительной части кайраклийцев в Таврию в 1862 г. сюда переселилась часть жителей села Сатунова: «Тук устáнали мálку хбрата. За да са набáват пак сéлуту, правýтєлству нам'áри хóра приз г'óла ут сéлу Сатунóу и пусéли са тýка да рабоут'ат т'ас хóра чифчилък»².

Таким образом, судя по словам Паскалова, население Кайраклии пополнялось дважды, первый раз еще до переселения в Таврию. К сожалению, об этом периоде статистических данных не сохранилось. С 1841 г. об изменении численности населения в Кайраклии можно судить по данным церковных ведомостей, сохранившихся в архиве Троицкой церкви (перновь в селе была выстроена в 1841 г.).

В 1841 г. в селе насчитывалось 608 душ населения на 74 двора: 69 дворов принадлежали болгарам-колонистам, 5 — украинцам. К 1859 г. население Кайраклии достигло 776 чел. (91 двор). За период с 1859 по 1878 г., когда в селе была румынская администрация, сведений нет. После того как южный Буджак был снова присоединен к России, опять появились; книги: в 1878 г. в селе насчитывается 481 чел., 58 дворов в 1888 г. — 689 чел., 86 дворов.

Таким образом, с 1859 по 1878 г. население села сократилось на 295 человек, т. е. почти вдвое. В этот период произошли существенные изменения в составе населения, связанные с

ним и в каждом какое количество задунайских переселенцев и старожилов...» под № 26 Томаровского цынута указано село Кайраклия с количеством задунайских переселенцев 21 и старожилов 3 чел. (ЦГИА Молдавской ССР, ф. 2, арх. № 66, лл. 392—393. Переписка о льготах и непритечеснении болгарских переселенцев).

¹ «Сейчас не помню, сколько лет жили, прежде чем [пока] население прибавилось».

² «Здесь осталось мало народу. Чтобы село снова увеличить, правительство нашло людей из села Сатунова, и они поселились здесь, чтобы заниматься земледелием».

уходом кайраклийцев в Таврию и приходом в село сатуновцев. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные не позволяют установить точное количественное соотношение кайраклийцев и сатуновцев в Кайраклии того времени. Косвенные данные заставляют полагать, что сатуновцы составили не меньше, если не больше, половины населения. Об этом свидетельствует, во-первых, большое число переселенцев из Кайраклии: кайраклийцы основали в Приазовье два села — Радоловку (69 наделов земли) и Гюневку (70 наделов); во-вторых, современные данные о населении Лошиновки, большая часть которого считает себя потомками сатуновцев.

В настоящее время село Лошиновка насчитывает более полутора тысяч жителей (в 1948 г. — 1574 чел., 341 двор). Население почти исключительно болгарское. Среди сатуновцев есть гагаузы, которые, однако, говорят большей частью только по-болгарски.

Село находится в 12 км от г. Измаила и в 34 км от нынешнего районного центра г. Болграда. Естественно, что в экономическом и культурном отношении село всегда было теснее связано с Измаилом, чем с Болградом. Соседство с русским городом наложило известный отпечаток на быт, а отчасти и язык кайраклийцев. В селе не придерживаются болгарских традиций в костюмах, убранстве дома, не помнят болгарских песен и сказок. В язык кайраклийцев проникло немало русских слов, вытеснивших соответствующие болгарские.

Из болгарских сел самое близкое к кайраклийцам — село Калинчак, расположенное в 5—6 км от Кайраклии. Там представлен говор сливенского типа. Несмотря на близкое соседство, тесных хозяйственных и родственных связей между этими селами нет. По рассказам стариков из Радоловки, в прошлом отношения между этими селами были настолько недружелюбными, что при переселении в Приазовье болгары этих сел не захотели оставаться соседями.

Среди населения Кайраклии до сих пор существует деление на кайраклийцев и сатуновцев. В языке сатуновцев наблюдаются некоторые отличительные особенности, однако

двух территориально разграниченных говоров в селе нет. Здесь один говор, хотя и смешанный. При сборе материала по программе атласа единые ответы были получены примерно на $\frac{2}{3}$ вопросов. В остальных случаях были отмечены варианты. Говор села Лощиновки тем не менее можно считать единственным говором, так как, несмотря на обилие вариантов, в большинстве случаев ясно определилась тенденция к их унификации. Этим говор Лощиновки отличается от некоторых других смешанных говоров, например, от говоров Кирничек, Ениёя, Старого Траяна и других сел, где тенденция к унификации произношения и употребления форм и слов в значительном ряде случаев не определилась.

* * *

Говор села Лощиновки относится к юго-восточным говорам Болгарии. В нем находим совокупность многих отличительных черт, характерных для фракийской группы болгарских говоров Украины, к которой относятся говоры сел Суворова, Сели-Өглу, Кот-Китая, Кулевчи, Бакалова, Катаржина и некоторых других. На месте древнеболгарского звука ъ в говоре Лощиновки обычно находим а с предшествующей мягкостью под ударением, независимо от твердости или мягкости последующего согласного, а также в конце слова, например: *вр'áми, ниð'ál'a, см'áшен, л'áтен, направ'áти, гал'чáти, в'áм'är, гул'áмиа, н'áшту, п'áie, ðв'á, дубр'á, рац'á* и др. *Боुрónим, с'áим сас-сéилка; в цíун' м'áсиц кóпами папшбóти* (30)¹; *тои бýши искл'úчан ут шкóлата на инá ниð'ál'a* (7); *тáа кумшйíка са збýра да идé да м'áси пáсхи* (11); *ф' т'áинити рац'á* (40); *сmitáха чи фáф Таш-Бунар йма н'áшту* (32).

¹ Чтобы не перегружать текст перечнем фамилий лиц, из речи которых взяты приводимые примеры, мы помечаем цифрой в скобках номер, под которым указана фамилия данного лица в прилагаемом к статье списке. Диалектологические тексты даны в упрощенной транскрипции: полумягкость согласных перед гласными переднего ряда и редукция безударного я не отмечается, за исключением случаев, где это специально необходимо.

Сравнительно редко, у отдельных лиц перед мягким согласным и в конце слова слышится ё (е открытое, широкое), например: *вр'ёми, каð'ё, рацё*.

Отмечены отдельные случаи северо-восточного произношения ъ (*гул'ёмиа, бёши*).

В соответствии с господствующим в говоре типом произношения ъ находим последовательное произношение а после шипящих и ѡ под ударением перед мягкими согласными: *жёби, Стујáне, шáпки*.

В Лощиновке наблюдается характерное для фракийских говоров ударение в форме ед. ч. повелительного наклонения, например: *вёми, тўри, нáправи, дёнеңси, сёдни, гёл'чи. Гёл'чи с нёзи, т'я у тилифóна!* (36). Произношение этих форм с ударением на конце было отмечено лишь в единичных случаях.

Широко распространены в говоре глагольные формы *бих, бйши, бйха*, известные только во фракийских говорах Украины.

В лексике лошиновского говора отмечен ряд слов, характерных только для говоров фракийской группы и не встречающихся в других группах болгарских говоров Украины, например: *штёрка* (*дъштер'я*)¹, *цакло* (*джесам, пэнджур*), *джубрйники* (*джумерки*), *инýя* (*одър*), *лáчна* (*зéле*), *дúдала* (*черница*), *разбóї* (*стан*), *прижиглó* (*привизлó, върбилó*), *свáкоу* (*калéку*), *каjсии* (*дварзалý*), *бел* (*хърлец*) и некоторые другие.

Кроме этих специфических особенностей говоров фракийской группы, отличающих их от балканских и чийшийских, в лошиновском говоре наблюдаются черты, общие у фракийских говоров или с балканскими или с чийшийскими. Однако сочетание этих черт в системе одного говора — характерный признак фракийских говоров. Например, произношение *видá, главá, брадá, пирá, читá, придá* (т. е. а под ударением в окончаниях имен существительных женского рода и в глаголах 1-го л. настоящего времени ед. ч.) — с одной стороны (черта, общая с балканскими говорами), и форма указательного

¹ В скобках приводятся соответствующие слова, употребляемые в большинстве других восточноболгарских говоров.

местоимения *тбо*, *тáа*, *т'áа* (или *тóва*, *тáва*, *т'áва*) — с другой (черта, общая с чишийскими говорами, в противоположность балканским, где форма указательного местоимения — *тоз*, *тъз* и *тез*).

В лощиновском говоре в именах существительных женского рода под ударением на конце произносится звук а. Это произношение последовательно выдержано даже у стариков-сатуновцев, представителей другого, не фракийского говора, например: *штир-тревá т'a за прахцýти хýбава* (37); *Снаýá ýмам и даште^чр'a ýмам* (11); *Ас пóвна кугáто^ч салдáтите^ч утýваа на вонýната на Плéвна* (47); *Дунéс вудá чи ми са пnie* (46). Флексия а сохраняется и в членной форме, например: *вуїнáта, вудáта*.

В глагольных формах 1-го л. ед. ч. настоящего времени в положении под ударением также всегда находим а, например: *аз эжa читá* (37); *ас пичá л'ап* (20); *шa тaкá плáт* (20); *шa тýr'a да пирá дрéти* (10); *ш úда да дунисá пáлиу* (10); *аз устáвam дóма да митá, да пирá, да пичá, си ráна пýл'анца-та* (11).

Попутно следует отметить еще одну особенность лощиновского говора, широко известную и в других фракийских говорах: глаголы II спряжения в форме 1-го л. ед. ч. настоящего времени произносятся обычно с твердой корневой согласной перед окончанием а, например: *чáкаi да вýда л'ап ни фтáса ли* (10); *шa гу израбóта* (23); *ко шe прáва* (8); *чáкаi да мýна да вýда* (24); *ас ни гу нóса в jáсли* (11); *ас пичéла сac дв'áти раçá* (25); *зех да óда на шкóлата* (8).

Произношение *тýr'a*, *пóвн'a* и т. п. встречается как исключение, например: *кату тýr'a л'áба ф сóбата, шe тýr'a да пирá дрéти* (10); *ф куíá гудýна ни пóвн'a* (6). В языке одного лица могут иногда встречаться обе формы.

Твердость согласных представлена также и в формах 3-го л. мн. ч. настоящего времени, например: *ни дéi чáкаш да изгóнат* (19); *кéфту нар'áт шa ýмам и дéту шa ма испráтат там ш úда* (28); *шa кóлат прасé* (2); *пу маистиráта удýх и луевíх кък рабóтат* (16).

Редкие исключения возможны и здесь, например: *түгіва мбат да лөв'ат сүслици* (21).

Формы *булът*, *връвът*, *сидът* также произносятся всегда с твердыми согласными перед окончанием.

Для многих фракийских говоров (а также для чишийских) типичен наблюдающийся в лошиновском говоре пропуск интервокального х в формах 3-го л. мн. ч. аориста и имперфекта, например: *сатунбви дудба и фл'анаа ф тес къшт'а* (27); *съчкити бра пудыр нэя утыйдаа да ги пусрёшнат* (7); *дадаа соүвёт да идэ лапиту с карыца* (11). Часто на месте х в этих формах находим i неслогоное, например: *начёнаа да гръмът*; *съчкити бра са дыгаа фав гурата... партизанти запалиа иднö зданиe* (7); *дин'а и нушт'а дувадциа жандарми с кулаци...* *на буйя ду сёлоу... къфту си юмали за ядина гу зея съчку* (4); *фаф маia изл'агаа фаф къбра да пасът* (29); *и гату рания на таварища кён'a и гу усвубудия* (11).

Реже встречается произношение с сохранением х, например: *и на тур'аха учитил'а* (6); *задражаха* (6); *збрáха* (6). Иногда появляется звонкое ч, например: *и на зея ут запаc* (6); *са забыча двамата* (19).

Все варианты произношения можно встретить у одного лица.

В формах 1-го л. мн. ч. также встречается выпадение х, например: *изл'анайми* (25), *мислиуми* (4), *стыйнауми* (6). Однако такое произношение для говора менее характерно, чем произношение с х, например: *дучакахми* (20); *дыгахми* (5); *вид'ахми* (16); *збирахми кытки* (7); *на жёнския працник збрáхми гул'аи* (20); *и зéхми зим'ата ут бугачити* (4).

Господствующими в говоре формами указательных местоимений являются формы *тбо*, *тáа*, *т'áа*, например: *и тбо зиления л'ан зе да пужилт'áва* (33); *и тáа мóита рабута ф калхоза* (2); *и iac с т'áа уфцé глеидáх и храных мóиечту симеиству* (8).

Таким образом, лошиновский говор характеризуется сочетанием диалектных черт, типичным для группы фракийских говоров.

Нами были приняты во внимание только те явления, которые распространены в говоре достаточно широко и которые поэтому можно считать явлениями, определяющими современную структуру говора. Тем не менее рассмотренные нами черты охватывают значительную часть признаков, определяющих типологию фракийских говоров в лингвистическом атласе болгарских говоров СССР¹.

Поэтому современный лоциновский говор с полным основанием может быть отнесен к типу фракийских, тем более, что варианты произношения очень часто также не выходят за пределы этой группы говоров.

* * *

Анализ вариантов лоциновского говора показывает, что, несмотря на обилие и разнородность этих вариантов, тенденции к унификации говора в большинстве случаев ясно определились.

По характеру соотношения этих вариантов они могут быть подразделены на три группы, среди которых самую многочисленную составляют такие случаи, где из двух известных в говоре вариантов один является явно преобладающим, а другой выходит или почти вышел из употребления. Ко второй группе относятся некоторые фонетические явления, в которых унификация произношения идет по словам: в определенных словах устанавливается тот или иной тип произношения. И, наконец, третьью группу составляют равноправные варианты. Их удельный вес в говоре очень незначителен.

Варианты первой группы:

1. В говоре господствует членная форма ъ-диалекта, однако наряду с ней в языке стариков-кайраклийцев (представителей старых кайраклийских фамилий) встречается иногда членная форма о-диалекта. Наиболее частое употребление этой формы отмечено в речи М. М. Паскалова, выдержки из рассказа

¹ См. статью «Из итогов второй диалектологической экспедиции», помещенную в этом же выпуске.

которого приводились в начале нашей статьи. В его речи членная форма о-диалекта встречается как под ударением, так и в безударном положении, например: *кáту ўдили пу пóт'у са устанувíли ду прудó; rán'ши гу ўмаши карáс'у сиgá гу нáма*. Наряду с этими формами старик Паскалов употребляет, однако, и формы тъ-диалекта: *и мразí измарí всíчку; намáри хóра приз гóла*.

Отдельные случаи употребления формы о-диалекта были отмечены у Е. П. Паскаловой (68 лет) — *синó ми*; у П. И. Калевой (70 лет) — *мажó ми*; у Т. Г. Куртевой (53 года), урожденной Кёсевой, — *нáма вéки на Пéт'у бóбу*. Дважды форма о-диалекта была отмечена у П. В. Гергиева (36 лет) в специальной терминологии, связанной с виноделием: *пудíр туí гу тúргами в прéсу, убóрката прув'áждами поu сóрту*.

Дед Гергиева — измаилец, а бабушка — коренная кайраклийка, братья которой переселились в Таврию.

В языке других лиц случаев употребления форм о-диалекта отмечено не было. Господствующей в говоре является форма тъ-диалекта: под ударением — тъ, в безударном положении — а, например: *с кóшничката на грабó* (19); *чукáм сас чукó эжул'-áеуту* (48); *кáту упáдна листó* (3); *св'атé е гул'áм* (11); *утýва пу мустó* (20); *пудíр тва утýдахми ф клúба* (20); *клúгч висý закл'ýч'áн* (25); *и можé и тоí рабочtý чўздоu* (34); *мýслим да напráвим калхóза багáт, зажítучен* (16); *тоí утвór'ал вратáта в дáма* (27); *ни ми стíга акъла* (11) и *тоí извád'ал нóэса* (27); *сýсличи многу пóртили класé* (21); *папашóia два пéт'a кóпава* (3); *ұмами в двóра инó парчé м'áсту* (33); *и кóлкуту ф пéт'a вървý и се ги пýта: дулéку ли Русýia* (11).

В именах прилагательных и местоимениях случаи употребления форм о-диалекта не встретились. Здесь полностью утверждалась форма тъ-диалекта, например: *боулграцкiiа јалпúх* (33); *зилéниiа л'áп* (33); *прéвниа м'áсиц напráих дванáиси трудоuдéна* (21); *Сечбýнов т'áхниiа баштá* (6); *и сýчкуту нóсиши ут нáшиiа дом в нéгувиiа дом* (8); *на мóиа баштá мáика му т'a ұмала двáма братá* (27); *на мéни ми дáдаiа да са занимáва сас фтбриiа клас* (35); *на нéскашниiа ден ұмами пérвое мáiа* (15).

Итак, в образовании членной формы мужского рода вариант, принадлежащий старому кайраклийскому говору, вытеснен новой формой, принадлежащей, видимо, говору пришедших в село сатуновцев.

Форма ъ-диалекта во фракийских говорах Советского Союза встречается редко. Однако кроме Кайраклии она отмечена еще и в говоре Кот-Китая, говоре монолитном, где эта форма принадлежит к числу исконных черт. Поэтому само по себе наличие формы ъ-диалекта в лощиновском говоре не мешает отнесению его к фракийскому типу.

2. Частица, служащая для образования форм будущего времени, в лощиновском говоре также наблюдается в двух вариантах: *ша* (*шъ*) и *жса* (*жъ*). Преобладающее употребление имеет частица *ша*, например: *ас ша ðόда фаф калхбза ўтри и ша чákам за нар'át* (28); *св'áрва са накад'á ши утýват на рабута* (16); *хаз'áина ша ма улувý чи спах* (5); *ша пурásни гул'ám и Пёт'у ша ýма картýс на главáта* (11); *тóо час ша гу напráва* (20); *ша кóлат прасé* (2); *шъ чýга н'áшту* (20); *давáйти ши утýвами прáу на кéра* (16). В речи главным образом старшего поколения параллельно с этой частицей употребляется также частица *жса* (*жъ*), например: *и нýia жъ та изýчим ф шкóла* (11); *Пёт'а жса задýра мумáта* (11). Параллельное употребление этих форм отмечено, например, в речи Г. Д. Монева (49 лет), Т. Г. Куртевой (53 года), И. В. Кёсева (75 лет), Е. С. Куртевой (50 лет), П. К. Маринова (70 лет), Е. П. Паскаловой (68 лет), А. Н. Костевой (68 лет), С. С. Карабабана (79 лет), М. Т. Паскаловой (32 года) и некоторых других. Среди них есть представители как старых кайраклийцев, так и сатуновцев. Не встретилось, однако, ни одного человека, который бы употреблял в своей речи только частицу *жса*. Направление процесса в говоре ясно определилось: частица *жса* выходит из употребления.

3. Формы 1-го и 2-го л. мн. ч. настоящего времени от глагола *съм* отмечены в говоре в двух вариантах: *нýе сни*, *вýе сви* и *нýе сми*, *вýе сти*, например: *нýе сни стáри* (33); *как сни са изб'áгали ут тýрцити* (23); *за ко сви душлé?* (19);

уððé сви вýе? (30); *тўка сми рудéни, тўка сми пурáснали* (11); *уððé сти вýе?* (43).

Преобладающими в говоре являются формы *нýе сýни, вýе сви*. Формы *сми* и *сти* встречаются редко, главным образом у людей старшего поколения. Эти формы были отмечены в речи Т. Г. Куртевой (53 года), Е. С. Куртевой (49 лет) Е. П. Паскаловой (68 лет), С. С. Паскаловой (75 лет), А. Н. Костевой (68 лет), В. Г. Карапетрова (62 года). Большинство из них — потомки сатуновцев, за исключением Е. П. Паскаловой и Т. Г. Куртевой, урожденных Кёсевых.

Таким образом, формы *сми* и *сти* в говоре Лошиновки можно рассматривать как формы архаические, выходящие из употребления. Во фракийских говорах Украины встречаются оба типа форм, чаще *сми* и *сви*.

4. При господствующих в говоре формах указательных местоимений *тбо, тáа* и *т'áа* в языке отдельных лиц, наряду с этими формами, встречаются формы *тоз, тóзи, т'аз*. Параллельное употребление этих форм было отмечено в речи 12 человек. Среди них есть представители старых кайраклийских фамилий: В. Г. Кёсев, И. В. Кёсев, М. М. Паскалов, М. Т. Паскалова, М. М. Кёсева. Кроме того, эти формы отмечены у представителей сатуновцев: А. И. Бурлакова, В. Ф. Казакова, А. Г. Бурлаковой, С. С. Карабабана, С. Ф. Маринова, П. И. Волкова, Г. Н. Такатлы. Часто в одной фразе могут быть употреблены оба варианта, например: *за тбо г'ол, тоз Катлабýh* (33); *о тоз сýчкиа мóя дубýтак déту аз глéдам и тáа мóята рабóута ф калхбза* (2).

Наряду с формой *т'ас* употребляется также форма *тес*, например: *сас т'ас ицá пláштат* (36); *т'áс часý прибýти на чéтири кишéта* (5), но *тес парý* (23); *сатунбвци дудбíа и фл'áнаа ф тес каиш'á* (27). Формы *т'аз* и *тез* могут встретиться как у представителей кайраклийских фамилий (27, 36), так и у представителей сатуновцев (5, 23).

Формы *тоз, тáзи, тез* не являются типичными для фракийских говоров. Употребление старыми кайраклийцами этих форм местоимений, а также частицы будущего времени

ша позволяет предположить, что в числе старых поселенцев Кайраклии были представители балканских говоров.

5. В говоре существует два типа ударения в некоторых формах мн. ч. Так, мн. ч. от слова *ръкá* возможно в двух вариантах *рацá* и *ръци*, например: *з гёли рацá* (19); *ас пичéла сас дв'áти рацá* (25); *на мёити ръци* (2); *с дв'áти ръци вéчи гул'áма шéпа* (33).

Преобладающей в говоре является форма *рацá*. Форма *ръци* была отмечена в речи трех человек: В. Г. Кёсева, В. Г. Карапетрова, М. М. Паскалова.

Изредка также встречается форма *óфци* при господствующей в говоре форме *уфцé*, например у В. Г. Кёсева: *трýиси óфци*. Колебания в произношении этих форм отмечены и в других фракийских говорах.

То же можно сказать о формах *мажé* и *мéжси*. И та и другая формы возможны во фракийских говорах. В лощиновском говоре основной является форма *мажé*; форма *мéжси* встречается значительно реже, главным образом в речи потомков сатуновцев.

Отмечено в говоре также наличие форм *бригуvé* и *бр'áгуvi*, но из-за редкого употребления этого слова трудно было установить, какая из форм преобладает. Во фракийских говорах Бессарабии форма *бригуvé* была отмечена только в Суворове. В других фракийских говорах употребляется форма *бр'áгуvi*.

6. Варианты произношения отмечены в формах причастий на *л* во мн. ч.: *душилý*, *били* и *душилé*, *билé*, например: *душилý маíката, баштáта, гёсти* (32); *и те утишилý и гу зéли* (26); *за ко сви душлý?* (19); *чи нíе сни билý нéгуи* (4).

Однако чаще можно услышать в говоре произношение этих форм с конечным *е*, например: *ни сви билé в Бóлгáрия* (6); *тр'áба да са душлé ф соуроúковáјата гудýна* (6); *кугáту душлé пáшти прáдеdi тóка билó пустóu* (27); *чи вéие бýхти душлé ду вичéра* (40) и т. п. Формы *билé*, *душилé* зафиксированы у 12 человек, формы *били*, *душлý* — у 7 человек. Важно отметить, что все формы *били*, *душлý* были отмечены в языке представителей сатуновских фамилий (Г. Д. Монев, С. Г. Такатлы,

А. Н. Костева, В. Г. Карапетров, С. С. Карабабан, В. Н. Иванова и М. С. Урун).

7. В говоре наблюдается двоякое произношение слова «ночь»: *нош* и *нъш*. При наблюдении над речью стариков трудно было определить, какая из форм встречается чаще. Ясно было только, что произношение *нъш* встречается главным образом у потомков сатуновцев, например, у А. Н. Костевой, В. Н. Ивановой, В. Г. Карапетрова.

Наблюдения над языком среднего поколения и молодежи показали, что произношение *нъш* выходит из употребления.

8. Ассимиляция групп согласных *бн* и *дн* — *дрэмни*, *пэнна*, *глэнна* — встречается преимущественно в речи пожилых и старых женщин. Это явление отмечено, например, у А. С. Ивановой (70 лет), А. Э. Дуровой (63 года), З. Н. Кирковой (49 лет), А. Н. Костевой (61 год), П. И. Калевой (70 лет), С. Г. Таткатлы (58 лет), А. Н. Бурлаковой (63 года). У других лиц подобное произношение встречается очень редко. Преобладает в говоре произношение без ассимиляции — *пáдна*, *дрéбни*.

9. Глагол *мóга* 1-го л. ед. ч. настоящего времени в Лошиновке отмечен в трех вариантах: *мóба*, *мóэса* и *мóя*. Произношение *мóба* имеет всеобщее распространение, например: *ни мóба да гу зéма* (11); *ни мóба да разбирá* (21); *ни мóба да знам* (22). Произношение *мóэса* встречается значительно реже и только в полной речи (*ни мóэса да ви кáэса*) (23). Форма *мóя* зафиксирована дважды — у Е. С. Куртевой и Е. П. Паскаловой.

10. Ясно определилось произношение слов *чул'ák*, *жул'áзу*, *жсуф*, хотя изредка встречается произношение этих слов с и: *чил'ák*, *жил'áзу*, *жиоф*.

11. Сравнительно широкое распространение имеет произношение слова *гуд'ýна* с полумягким д, при господствующем в говоре произношении этого слова с д твердым — *гудýна*. Произношение с полумягким д зафиксировано не только у стариков. Оно встречается у людей разного возраста, в том числе и у молодежи, например: у М. Д. Русева (34 года), В. С. Пентийской (24 года), А. Г. Куртевой (18 лет), М. С. Урун (14 лет).

Во фракийских говорах встречаются оба типа произношения.

Варианты второй группы.

В ряде фонетических явлений, как мы уже говорили, дифференциация употребления вариантов идет по словам. Так, например, мягкое произношение конечных согласных наблюдается в словах *път'* и *кон'*, в то время как в других случаях конечные согласные произносятся твердо, например: *зет*, *сол*, *ден*.

Подобная дифференциация наблюдается и в произношении аффрикаты *ձ*. Есть слова, которые всеми лощиновцами произносятся без аффрикаты, например: *връзвам*, *званец*, *зингий*. Есть слова, в которых наблюдаются колебания: возможно произношение *ձэднија* и *зэднија*, *надձат* и *назат*, *марձвий ма* и *марզый ма*. Причем произношение без аффрикаты было отмечено главным образом у стариков-сатуновцев: С. С. Карабабана (79 лет), В. Г. Карапетрова (62 года), А. Н. Костевой (68 лет), А. Ф. Иванова (70 лет), Г. Д. Монева (49 лет), в то время как у старых кайраклийцев наблюдается произношение с аффрикатой *ձ*.

Для других фракийских говоров более характерным является произношение этих слов с аффрикатой *ձ*.

Не представляет единства произношение *х* в начале слова: иногда начальное *х* сохраняется, иногда утрачивается. Оба варианта произношения — *хұбаф* — *ұбаф*, *хόра* — *бра* и т. п. — можно встретить у представителей разных групп населения. Тем не менее и здесь намечается определенная унификация произношения в отдельных словах. Так, в слове *хұбаф*, *хұбаву* начальное *х* обычно произносится, и лишь в редких случаях можно услышать произношение *ұбаф* — *ұбаву* (произношение *хұбаф* было отмечено у 21 человека, в то время как *ұбаф* — только у 4 человек).

Слова *хόра* и *хбдиш*, наоборот, чаще произносятся без *х*. Произношение *хόра* было отмечено нами только у двух стариков-кайраклийцев: И. В. Кёсева (68 лет) и М. М. Паскалова (66 лет).

Произношение **х** в глаголе *хóдя* встречается несколько чаще, чем в слове *хóра*, но все-таки значительно реже, чем произношение этого слова без начального **х**. Без начального **х** употребляется обычно и глагол *арéсвам*. Сравнительно редкое употребление этого слова не дает возможности установить более определенной закономерности.

Судьба интервокального **х** различна в существительных и глаголах: **х** в середине слова в именах существительных обычно сохраняется (например: *дрéхи, снахá, мухá*). Только у старых женщин можно встретить произношение *дрéи, снаá*.

В глагольных формах, как мы видели выше, пропуск интервокального **х** (или замена его звуком *і*) является обычным (примеры см. выше).

Варианты третьей группы.

При обследовании говора по программе лингвистического атласа в ряде случаев встретились и такие варианты, частота употребления которых в говоре примерно одинакова. Число подобных случаев сравнительно незначительно:

1. Двоякое произношение наречия «ужé»—*вёки* и *вёчи* (*вёчик*), например: *сéтни вёки са залáвами да рабóтим* (10); *вёки на три гудýни вървý* (19); *гату кулéчлóту вёки гутóвоч са пабýва жула́зна бўкша* (19a); *нýа знаим вёчи къф си ти бирикéт*¹ (32); *вёчик дёсит м'áсица, н'áма дёш и сýчку гурý квóту пус'áхми* (9); *ймали чётири малки кóнчита вёчик* (18).

Произношение *вёчи* (*вёчик*) зафиксировано у 19 человек, произношение *вёки* — у 18. Замечено, что люди более молодые предпочитают форму *вёки*, например: М. С. Урун (14 лет), А. В. Радева (30 лет), В. С. Пентийская (24 года), М. Г. Паскалова (34 года), П. В. Гергиев (36 лет) и др. Некоторые употребляют обе формы, например: Т. Г. Куртёва, В. Н. Иванова, В. Г. Кёсев.

В других говорах, в том числе и фракийских, тоже часто встречается параллельное употребление той и другой формы. Из фракийских говоров это отмечено, например, в Селиоглу

¹ *Къф си ти бирикéт* (перен.) — каков ты молодчик.

и Кот-Китае. Во многих говорах (Кулефче, Селиоглу, Бокалове, Катаржине и др.) форма *вёки* — *вёчи* вытесняется русским словом *ужё*. В лощиновском говоре этого нет. Болгарские слова *вёки* и *вёчи* являются здесь общеупотребительными.

2. Большое разнообразие наблюдается в произношении форм прошедшего времени от глагола *бъда*. Здесь следует отметить два момента:

а) В говоре как равноправные употребляются формы, восходящие к древнеболгарским формам *бихъ* — *бише* и *бъхъ* — *бъше*, например: *с нóти бих ф клúба* (21); *можъ ми бýши коúвáл'* (32); *там бýши напýсаноу* (7); *кáту умр'á мáма дванáиси гудýни бих* (34); *аз три гудýни бих ф поúсбóноúту хазáисту* (29); *бýхми Ѱблжни да бдим на по́ста* (4); *там бýя сýчкити бра, дéту са дýгнаia* (7); *аз б'ах ф калхóза* (16); *хаз'аивá хýбави б'áими* (23); *б'áхми нýе пет бráта* (23); *фýера б'ах на калхóза* (40); *б'áши чéтири гудýни воúнá* (6); *мóя баштá гудинáк бéши* (6); *б'áх стóроúш нушт'á вárдих* (5); *румýнити вёки б'áха тýка* (6).

Оба типа форм одинаково широко распространены и употребляются в одних и тех же значениях. Формы *бих*, *бýши* отмечены в речи 18 человек, формы *б'ах*, *б'áши* (*бéши*) — тоже у 18. В речи 10 человек зафиксировано употребление тех и других форм.

Очень редко встречаются формы *бäх*, *бäхми*; например, эта форма отмечена у М. Т. Паскаловой: *бäхми уваришёли; т'a бäши с патеúфона*.

Параллельное употребление форм *бих* и *б'ах* (*бäх*) наблюдается во всех фракийских говорах, где отмечена форма *бих*, так что наличие этих вариантов — нормальное явление этой группы говоров.

Произношение *бäх*, *бäши* наблюдается во фракийских говорах Суворова и Вайсалы. В лощиновском говоре встречаются иногда и другие черты, общие с суворовским говором.

б) При господствующем в говоре юго-восточном типе произношения *ъ* наблюдаются некоторые отклонения, которые в общем незначительны, за исключением формы *бéши*. Форма

бéши имеет настолько широкое распространение в говоре, что может считаться равноправным вариантом с формой *бáши*.

Показательно, однако, что форма *бéши* встречалась главным образом у представителей сатуновских фамилий (А. И. Бурлаков, А. Ф. Иванов, С. П. Иванова, Д. П. Карабабан, С. Г. Такатлы, Е. С. Куртева, И. Н. Куртев, П. К. Маринова, М. С. Минчева, Т. Г. Куртева, З. Н. Киркова). У некоторых из них, например, у А. Ф. Ивановой, С. Г. Такатлы, Т. Г. Куртевой, замечено параллельное употребление форм *бáши* и *бéши*. Формы *бáши* и *бýши* встречаются не только у кайраклийцев, они широко известны также и представителям старых сатуновских фамилий. Эти формы отмечены, например, у В. Ф. Казакова, С. Ф. Маринова, А. Г. Бурлаковой, А. И. Куртевой и др.

3. Равное, приблизительно, распространение имеют в говоре варианты *шéна*, *жéтва*, *шéтам* и *шéна*, *жéтва*, *шéтам*, например: *нéя фáв жéтва рабóтим* ту иднá сúтка дин'á и нүшил'á (14); *рабутых сýккуту, вр'áми, фáв жéтва сá разбу́л'áх* (20); *с дв'áти ръци вéчи гул'áма шéна* (33); *ко шéта нашта бáбушка, ко прай* (40); *фáф јун' м'áсиц кóпами плашаютъя, пудири начéвами жéтвата* (30); *зимй èу ф шéпата* (39).

Замечено, что произношение *шéна* чаще встречается у представителей сатуновских фамилий (Т. Г. Маринова, П. И. Волков, Н. И. Близнак, Е. С. Куртева, А. Н. Костева, В. Г. Карапетров, С. С. Карабабан, А. Н. Калева). Из старых кайраклийцев произношение *шéна* отмечено у П. К. Мариновой, урожденной Желевой.

4. В двух вариантах встречается во многих словах сочетание ъ с плавным р, например: *смърт'* (4) и *смрът* (19), *гарбъ* (45) и *грабъ* (19), *дървéта* (33) и *драв'á* (13, 34, 38), *даражá* (39) и *дражсý* (38), *дражсáх* (37), *дражсáт* (41), *удръжсáхми* (14), *вървý* (11, 19), *варвáм* (23, 24), *варвéт* (5), *върв'áх* (19) и *връвá* (8, 17, 19), *връi* (11), *штрéкел* и *штëркел*, *мрадзý* и *мардзý* и др.

В двух вариантах встречается слово *зérно*: *зérну* и *зръну*. Произношение *зérну* зафиксировано у 7 человек, *зръну* — у 9. Старик-сатуновец С. С. Карабабан (79 лет) последовательно

произносит ъ перед плавными (*върх*, *зърно* и др.). Слова *върбá*, *сарцé* всеми произносятся с ъ перед плавным.

5. Наконец, следует отметить, что в говоре Лощиновки, как и в других бессарабских говорах, наблюдается проникновение произношения краткой формы личного местоимения ж. р. вин. п.— *га*, хотя наряду с ней продолжает употребляться людьми всех возрастов и старая форма *ia*, *a*.

Форма *га* была отмечена у лиц моложе 20 лет — у С. П. Ивановой, М. С. Урун, С. И. Калева, М. М. Кёсевой, А. И. Куртевой, например: *Тúia пýтат де Л'ýба Шивцóва а нéзъ га н'áма* (26); *m'a* (мечка) *гу издръпа ут снigъ и тóї зýма да га убýва* (26); *сéтни тýia га пýснаја* (7); *тýia са сърд'ат кéсат га* (7); *пôдпис'* ... *тóчноу га пûдубráхми* (35).

Однако и у молодежи встречаются формы *a*, *ia*, например, А. И. Куртева (18 лет) говорит: *главáта ... а упáчка; ша а зýма; тóка инá карýца са убýрна и ia упráвиа*. Люди среднего и старшего возраста употребляют только форму *a* или *ia*. Употребление того или другого варианта не зависит от качества предшествующего звука, например: *убóрката пру-в'áждами ту сбрту и a проурабáтвами на вýну тбжзи ту сбртуви* (13); *ут мóита маíка ми рассказá кък устáнала сирáк, биз маíка, баштá ý а дукáра с карýцата ф сéлу Каíраклия ia дáди ранинýца* (17); *ша дóди кráвата ду ви-чéra ша ia издбýм* (11); *и са наидé (кráвата) ia напóдя з вудá сéтни ia издбýя* (11); *а кугá ша а вýда?* (39).

Форма *га*, которая в языке молодежи является преобладающей, в речи людей старшего и среднего возраста не была отмечена ни разу. Видимо, в говоре старых кайраклийцев и сатуновцев ее не было.

6. В лексике лошиновского говора также отмечен ряд вариантов. Однако в большинстве случаев по ответам на вопросы программы атласа видно, что один из вариантов вытесняет другой. Например, глагол «говорить» передается двумя словами: *зal'чá* и *чуртýвam*, причем слово *чуртýвam* встречается значительно реже. Из вариантов *калпák* и *шáпка* слово *калпák* почти вышло из употребления. В говоре утвердились

слова *инія* (*ôðøp*), *синія*, а параллельные названия — *нат* и *сүфра* — встречаются иногда только в сатуновских семьях. Всеобщее распространение получило в говоре слово *геран*, и только у старых кайраклийцев встречается иногда слово *клáденец* (*Ут таќива засúхи са присъхнаха клайнци* — М. М. Паскалов). «Утро» в говоре называется *дзарáну* или *ránu*, а слово *сúтрина* встречается у старых кайраклийцев очень редко (например, у М. М. Паскалова: *кáта сúтрина йма сланá*).

Вышли из употребления слова *тасмá* (теперь говорят только *кайш*), *бárка* (теперь говорят *казán*), *кирдé* (теперь называют *пирушки* или *апчици*), *гúшки* (*сармá*) и др. Эти слова знают сейчас только старики. Иногда старые болгарские названия вытесняются русскими или вариантом, совпадающим с русским. Так, вместо слов *калтърмíй* и *тербíи* чаще употребляется сейчас название *вóжэжи*. Вместо слова *фéрдéжса* говорят *бúрка*, вместо *фуркулýца* — *вýлка*, вместо *пачá* — *хала-дéц*. Наряду с вариантами *штéрка* и *даштер'á* часто употребляется слово *дóчка*.

Можно указать еще некоторые лексические варианты, бытующие в говоре, например: *джубрýнки* и *джумéрки* (*жумéрки*), *лужáн* и *кóрен*, *кундиа* и *мáлкаia* *пръс* и другие. Однако в области лексики, так же как в области фонетики и морфологии, один из вариантов становится обычно общепринятым в говоре, вытесняя собой другие.

Таким образом, лощиновский говор в настоящее время уже не представляет собой случайной смеси различных говоров. В нем выработались определенные фонетические и морфологические нормы и в огромном большинстве случаев определились тенденции к унификации произношения и употребления морфологических форм и слов.

Говор Лошиновки определился в основном как говор франкского типа, хотя он и усвоил ряд черт, характерных для других групп говоров.

* * *

Большие трудности вызвал вопрос определения типа говора лощиновских сатуновцев. Ряд признаков, характерных для языка лощиновских сатуновцев, позволял предположить, что говор этот принадлежал к широко распространенному в южном Буджаке типу, условно названному нами чийшийским. Об этом свидетельствовало встречающееся в лощиновском говоре произношение *нъш*, наблюдавшееся исключительно у сатуновцев. До знакомства с лощиновским говором черта эта была отмечена только в говорах чийшийского типа. Ни балканским, ни фракийским говорам Бессарабии она не свойственна. Системе чийшийских говоров могли принадлежать также следующие черты: членная форма ъ-диалекта (для фракийской группы более характерна форма **о**); частица *жса*, служащая для образования будущего времени; часто встречающаяся у сатуновцев мягкость конечных согласных в словах *път'* и *кон'*; произношение *е* на месте старого ъ перед мягким согласным (*нправéти*, *гулéми*, *бéши*); формы мн. ч. имен существительных с ударением на первом слоге (*бвци*, *мéжи*, *рóци*); ряд лексических вариантов: *дъштер'á*, *кундиа пръс*, *дзумéрки*, *герáн*, *гал'чá* и некоторые другие.

Этому, как будто правдоподобному определению типа сатуновского говора, противоречили, однако, некоторые необъяснимые с этой точки зрения факты. А именно: форму *жéтва* и *шéпа*, характерную для чийшийских говоров, мы наблюдали главным образом в языке старых кайраклийцев, а в языке сатуновцев преобладало произношение *жéтва* и *шéпа*, противоречавшее системе чийшийских говоров. Аналогичную картину мы наблюдали в употреблении форм *душилé*, *билé* и *душилý*, *биль*. Формы *душилý*, *биль*, широко известные во фракийских говорах (Суворово, Кулевча, Бакалово), мы встречали большей частью в языке сатуновцев, а формы *билé*, *душилé*, единственно возможные в говорах чийшийского типа, находили в языке кайраклийцев. Фракийским говорам Украины формы *бцлé*, *душилé* известны. Они отмечены в говорах Сели-Оглу, Кот-Китая и Катаржина.

В говорах чийшийского типа широко распространено произношение аффрикаты *дз* на месте з: *надзат*, *мардэй ма*, *дзингэн*, *дзванец*, *врдэувам* и т. п. В лошиновском говоре наблюдается произношение этих слов с аффрикатой и без аффрикаты, причем произношение без аффрикаты — *назад*, *марзай*, *задния* — чаще встречается именно у сатуновцев, т. е. там, где следовало ожидать произношение аффрикаты *дз*. Кроме того, в языке сатуновцев отмечались и другие черты, неизвестные бессарабским говорам чийшийского типа. Таково встречающееся изредка произношение с е возвратного местоимения *се*. В говоре старейшего сатуновца С. С. Карабеана (79 лет) это произношение выдерживается очень последовательно. В языке других лиц оно встречается спорадически (формы эти были отмечены, например, у сатуновцев А. Н. Костевой и С. П. Ивановой).

Не встречалось в чийшийских говорах произношение личных местоимений 1-го и 3-го л. мн. ч. *нейа*, *тейа*, широко распространенное у лошиновских сатуновцев, и произношение *жсумерки*, наряду с чийшийским *джсумерки* и фракийским *джсубринки*.

Указание старииков-сатуновцев на то, что сатуновцы говорили раньше не *аз*, а *я*, также противоречило предположению, что говор сатуновцев относился к чийшийскому типу.

Совокупность этих фактов осложняла вопрос определения типа сатуновского говора. Казалось необъяснимым также то обстоятельство, что сатуновцы, составляющие чуть ли не большинство населения Кайраклии, утратили северо-восточный тип произношения ъ. До сих пор нам приходилось наблюдать только обратное явление: там, где южный тип произношения ъ не был представлен большинством населения, он неизменно вытеснялся северным типом (такова судьба южновайсальского говора в селе Вайсал, чарганско-и журлийского — в Тараклии и Болгариике, фракийского — в Парканах).

Все эти факты приводили к мысли, что говор сатуновцев не был единственным или представлял собой какой-то новый, неизвестный нам на территории СССР тип говора, и это действи-

тельно было обнаружено при обследовании языка болгарского населения села Сатунова.

Вызывало недоумение происхождение частицы *ша* в лошиновском говоре, так как, по описанию академика Н. С. Державина, в говорах Радоловки и Гюневки употребляется частица будущего времени *жса*. Чийшийским говорам также свойственна частица *жса*. Наблюдались расхождения между говором кайраклийцев и данными Н. С. Державина о говорах Радоловки и Гюневки в отношении форм повелительного наклонения. В Лошиновке мы отмечали господствующий тип произношения этих форм с ударением на первом слоге (*ðбнеси*, *тўри*, *зёми*, *нáправи*) и как исключение — употребление этих слов с ударением на конце (*дунес*, *турí*, *направý*). Последний вариант мог восходить к чийшийским говорам. В Радоловке и Гюневке следовало предположить первый вариант, который никак не мог восходить к чийшийскому говору. Н. С. Державиным были отмечены в говоре Радоловки тоже только формы с ударением на конце — *донесý*, *турý*, *станý*, *дувидý* *кóн'у*¹. Без обследования говоров Радоловки, Гюневки и Сатунова выяснение этих вопросов было невозможно.

Обследование этих говоров было необходимо также для того, чтобы по возможности восстановить те черты старого кайраклийского и сатуновского говоров, которые в лошиновском говоре совершенно вышли из употребления, не сохранившись даже в памяти стариков. Только с привлечением этих дополнительных материалов становилось возможным представить всю сложность начавшегося девяносто лет назад и еще не вполне закончившегося процесса создания единого говора в селе Лошиновке.

II

Болгарские села Радоловка и Гюневка Андреевского района Запорожской области УССР расположены недалеко от

¹ Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, т. II. Иг., 1915. Эти наблюдения Н. С. Державина при обследовании говоров Радоловки и Гюневки не подтвердились полностью. Об этом см. ниже.

железнодорожной станции Нельговки: Гюневка — в 3 км, Радоловка — в 8 км. Это самые северные болгарские села Запорожской области. Они были основаны в 1862 г. болгарами-переселенцами из бессарабского села Кайраклии. Ни в том, ни в другом селе выселенцев из других бессарабских сел нет. Раньше эти села носили названия Долна и Горна Кайраклия или, иначе, Долнио и Горнио Кагач. Последнее название широко известно в других болгарских селах и поныне.

В настоящее время в Радоловке насчитывается около 700 человек, в Гюневке с прилегающим к ней станичным поселком Нельговкой — 960 человек.

Старики рассказывают, что первоначально кайраклийским болгарам предназначалась земля около г. Бердянска, на месте нынешнего села Луначарского (б. Кутда), но они предпочли поселиться подальше от проезжего тракта, который проходил через этот участок.

Хотя Радоловка и Гюневка и заселены выселенцами из одного бессарабского села, состав фамилий в них различен. Некоторые фамилии, широко распространенные в Радоловке, — Згульевы, Тахтаджиевы, Кочевы (б. Неновы), Кирилловы, Сарабиевы, Шимовы, Намлиевы и другие, — отсутствуют в Гюневке. В Гюневке также есть фамилии, не встречающиеся в Радоловке, — это Ончевы, Касаповы, Велчевы, Златевы, Ихтияровы, Кузаревы, Неделковы и др. Представители Паскаловых, Кёсевых и Желевых, наиболее распространенные фамилии старых кайраклийцев в Лощиновке, есть в обоих селах, но они немногочисленны.

Имелось некоторые различия и в этническом составе сел: Радоловка была заселена только болгарами, в Гюневке же наряду с болгарами было много гагаузских семей. В Лощиновке не сохранилось сведений о том, что в числе старых кайраклийцев были гагаузы; известно только, что среди пришедших сатуновцев было много гагаузов. Однако старики-гюневцы единодушно утверждают, что и гагаузские семьи переселились из бессарабской Кайраклии. Гагаузские фамилии в

Гюневке довольно многочисленны: к ним относятся Златевы, Неделковы, Ангеловы, Ихтияровы, Мариновы, Костовы. Несмотря на значительный процент гагаузов, в селе говорят только по-болгарски. Гагаузский язык помнят лишь некоторые старики. Видимо, и при переселении они хорошо говорили по-болгарски, причем говорили на том же диалекте, что и прочие кайраклийцы. Поэтому, несмотря на разный состав фамилий в Радоловке и Гюневке и наличие в Гюневке гагаузов, различия этих говоров весьма незначительны. Они отражают иногда варианты лошиновского говора.

Например, в Радоловке последовательно выдержано произношение *жул'áзы*, *чул'ák*, *ишимíк* (*жул'áзуму пр'áим*, *прáвим* *жул'áзни боúроны* — 14 Р; *тбо чул'ák e хýбаф* — 15 Р)¹. В Гюневке лабиализация е после шипящего, как правило, в этих словах отсутствует, там чаще скажут: *жил'áзы*, *чил'ák*, *ишимíк*.

В Радоловке слова *кон*¹, *път*¹ часто произносятся с полу-мягкостью конечного согласного, в Гюневке преобладает произношение *кон*, *път* — без смягчения конечных согласных. (В других словах конечные согласные твердые и в Гюневке и в Радоловке.) В Лошиновке, как мы видели выше, мягкость конечных согласных также отмечается только в этих словах.

Интересное различие отмечено в слове *шéна*: в Радоловке это слово произносится *шáпа* или *шéпа*. В Гюневке же наряду с таким произношением, отмеченным у старииков, существует произношение *шáпа*, занимающее в говоре господствующее положение. Отсутствие этого произношения в говорах Лошиновки и Радоловки заставляет полагать, что если оно и было известно в старом кайраклийском говоре, то являлось, очевидно, особенностью речи каких-то определенных семей, которые в основном осели в Гюневке, где это произношение постепенно стало господствующим. Гюневская молодежь употребляет в настоящее время вариант *шáпа*. Реже можно услышать произношение а в слове *шáтам*.

¹ Цифра указывает номер объекта, у которого произведена данная запись, буква обозначает название села: Р — Радоловка, Г — Гюневка.

Других фонетических различий между говорами Радоловки и Гюневки на материале программы атласа отмечено не было, за исключением некоторых различий в ударениях:

Радоловка

ракá и *róka*
бригуéвé
бíлé и *бílli*

Гюневка

ракá
бригуéвé и *бр'áгви*
бíлé или *бíлý*.

В лексике отмечены следующие различия: «кукуруза» в Радоловке называется *мамúл'a*, а в Гюневке — *папашój*. В современном говоре Лощиновки название *мамúл'a* неизвестно. В Радоловке употребляется слово *пýта*, в Гюневке чаще — *ми-лýна*, хотя слово *пýта* тоже иногда можно встретить. В Радоловке наряду со словом *ишумýк* употребляется в том же значении слово *удвáра*, в Гюневке — только *ишумýк*. В Гюневке наряду со словом *upýia* (*бдър*, *под* — в других говорах), употребляемым и в Радоловке, встречается в том же значении слово *бýтену*. В Радоловке употребляется только слово *кал-пák*, в Гюневке — *калпák* и *шáпка*.

В остальном говоры Радоловки и Гюневки полностью совпадают. Большая часть фонетических вариантов, встречающихся в этих говорах, известна и тому и другому. Не вызывает сомнений, что представители данных говоров до их разделения длительное время жили вместе и что гагаузы села Гюневки другого болгарского говора не знали.

Следует отметить, что в селе Гюневке наблюдается несколько большая архаичность языка, чем в Радоловке. Многие болгарские слова, в Радоловке вышедшие из употребления, в Гюневке знают, и часто не только старики, но и молодежь, — например, слова: *лéшта*, *гивéч*, *сеéвáн*. Слово *арéсвам* в Гюневке широко распространено, а в Радоловке почти вышло из употребления и заменено глаголом *са нáрáви*. В Радоловке говорят только *ужé*, в то время как в Гюневке старики еще употребляют слово *вéчик*, *вéки* и т. п.

При изучении болгарских говоров Приазовья необходимо учесть, что на болгарские говоры оказал здесь (через печать и школу) некоторое влияние литературный язык. Влияние болгарского литературного языка, хотя и очень незначительное, можно заметить в речи ряда лиц. Они употребляют иногда членную форму ъ-диалекта (*градъ Осипенко, динъ, нашиа* и т. п.), тогда как господствующей в говоре является форма ѿ-диалекта. В речи этих лиц встречался глагол *бéши* вм. *бáши* или *бýши*; произношение *идýн* вм. *идéн*; возвратная частица *се* (*се ухýчши*); частица будущего времени *ште* (*ште са нахóжда*) при господствующей в говоре частице *жса*; местоимения *тоз, тáзи* вм. *тбо, тба*; *това* вм. *тва*; формы *ráбут'ат* вм. *рабóтат* (впрочем, формы *тоз, тáзи* и *ráбут'ат* имеют более широкое распространение). Встречаются и некоторые болгарские слова, взятые из литературного языка, например: *стопáнство, младéж*. В говорах эти слова не употребляются. Однако, как правило, формы и слова литературного языка употреблялись только тогда, когда речь данного человека записывалась. В обычное же время все говорят на диалекте.

В качестве образца можно привести выдержки из автобиографии Ф. С. Шимова (1907 год рождения), ныне председателя сельсовета, который долгое время был селькором болгарской газеты. Для его речи характерно смешение литературных и диалектных форм. Характеризуя свою жизнь до организации колхоза и после, Ф. С. Шимов рассказывал: *живóту на нашту симéиству бáши мнóгу тéшки. Се приidé на бáштáта и мáиката да прáштат свóйти дóчки и синувé да рабут'ат на хóрата да зарабут'ат л'ап (...). Нáшта сеимíа поустóпи в СОС (сóвмéснаíа обрабóтка на зim'áta), куяáту бáши ýмету «Нáша побóч». Фоф тóзи сос ас рабутих кóниух (...). Тáзи гудýна пустóпих ф комсомóла. Комсомóла мä испрáти на кúреи, дéту са учíх шес м'áсица. Пóсле тоувá зех да рабóта сéл'sкио совéт (...) Кáту члéн пárтии бол'шевикóв ас се јавl'áвам фтóри сeukретáр' на калхóзна первóчна партéйна организáциа. Мóита рабута са закл'учáва*

ф прув'аждана политмáсочва раз'аснýте"л'на рабута сре"дý хбратма за випо"лн'áване сýчките" селско"стouпánski и политýчески кампáнии в сéлуту. О"собéчино" в дáннио" пе"рýо"д го тóвим на"го"л'ам по"дáро"уk на рóдината: към динó на вýбо"рите" дvanáisi март калхбс и ф цéло"м селоту да бéди пиридавó, ф на"шиja Андрéевски ра"йон — иднó ут пиридавýти.

Из приведенного рассказа видно, что черты литературного языка последовательно не выдерживаются; рядом употребляются литературные членные формы — *комсомóла*, *на"шиja* — и диалектные — *динó*, *сéл'ску*; произношение — *бéши* и *б'áши*; *рабут'ат* и *ас рабóта*; *се юавл'áвам*, но *са учíх* и т. п.

Из рассказа Шимова видно также, насколько широко употребляются русские слова и термины в беседе на современные темы. Вообще терминология, связанная с общественной, политической, культурной жизнью, в болгарских говорах Советского Союза в большинстве заимствована из русского языка.

Двуязычие населения является вообще важной особенностю, которую нельзя не учитывать при изучении болгарского языка этих районов. На русском языке здесь говорят также свободно, как и на своем родном. Более того, на некоторые темы на болгарском языке говорить затрудняются. Политбеседы везде проводятся на русском языке. Молодежь, окончившая агрономические, ветеринарные и другие специальные учебные заведения, уже не употребляет старых болгарских названий, а пользуется русскими. Так, например, молодой садовод И. Ф. Кетков говорил, что рассказать о виноградарстве по-болгарски ему трудно, потому что он привык говорить так, как его учили в школе (например, он употребляет термин *бу"рдóсская жýткост'* вместо *син кáмън сас кирéч* и т. п.). Одна ученица VII класса не смогла рассказать по-болгарски о своих занятиях по зоологии. С подобными случаями приходилось сталкиваться неоднократно.

На колхозных собраниях при обсуждении всяких колхозных дел говорят и по-русски и по-болгарски. Однако и здесь

часто переходят на русский язык, так как в селах появились переселенцы-украинцы, не освоившие еще болгарского языка.

При сборе диалектологического материала в марте 1950 г. были произведены записи болгарской речи в Радоловке у 24 человек, в Гюневке у 16¹.

Говор Радоловки и Гюневки относится к фракийской группе. Мы находим здесь все фракийские черты, отмеченные в Лощиновке.

Юго-восточный тип произношения ъ, например: *гул'áми уружáи* (Р—4); *ниð'ál'a инó вр'áми* (Р—8); *б'áли прóшки* (Р—7); *ни н'áшту ни ми ричáши* (Р—1); *врáйти дунис'áти* *вудá* (Р—8); *пусн'áти* (Р—7); *ж'áда на урóту да пуп'áя* *мáлку* (Р—5); *ичумýк и л'уцéрна жáа гу с'áим наинó* (Г—2); *б'áлио св'ат* (Г—21); *см'áшина прикаска* (Г—21); *т'а жуев'áие* *самá* (Г—21); *дубр'á душлá* (Г—6); *куíа кráва кóлкуту м'áсица* *са нахóжда ф хаз'áиству* (Г—6); *врътът дв'áти кулинá* (Г—7); *на плáдн'a пу дв'а мýтри дáва* (Г—7); *с'áли сас рацá* (Г—8); *ас пóвна, чи нáсти баштý в'áили с jáби на в'áтире* (Г—8); *фаф ниð'ál'a два път'a ги глéддаш* (Г—8); *ни музáх да ги* *нам'áри т'аа парú* (Р—3) и т. п.

2. Ударение на первом слоге в формах ед. ч. повелительного наклонения, например: *йди, тýри каимáку* (Р—5); *ти пак ни му речи; фýрли гу* (Р—1); *надз'áди са в'рни!* (Р—8); *зéми цибáрката кráвата да издóши* (Г—7); *в'рни са надзъди* (Г—16) и т. п. Однако и в том и в другом селе ударение на первом слоге наблюдается только в бесприставочных глаголах, где оно выдерживается очень последовательно. В приставочных же глаголах ударение в ед. ч. повелительного наклонения падает на последний слог, например: *затвурý цáклóту* (Р—8); *направý тaa рабутa* (Р—5); *дунечсý картóбли, угречбý*

¹ Список лиц, у которых был собран диалектологический материал, приложен в конце статьи.

плитáта (Р—5); *дүвеңдý күнёти* (Г—6). В этом отличие говора Радоловки и Гюневки от лощиновского говора, где и в приставочных глаголах ударение, как правило, падает на первый слог.

3. Параллельное употребление глагольных форм *бих* и *б'ах*, *бýши* и *б'áши*, известное в лощиновском говоре, а также во многих других фракийских говорах, характерно и для говора Радоловки и Гюневки, например: *мóю баштá*, *гáту дукáраја нéрвио тráктур ф сéлу*, *бýши трактурýст* (Р—18); *фчéра аз бих бólна и ни мүжáх да ѫда ф шкóлата, ас рéках на бráт си, кáту тоi да узнái ко бýши задáдину* (Р—18); *нéрвата о"рганизáциа т'a б'áши са називáла «Труд»* (Р—11); *Аликсáндр Матрóсуф б'áши р'адоңвóи салдáт* (Р—22); *на т'áината рóта б'áши дáну задáниe* (Р—22); *кадý вичáró силóту б'áши усвубудéну ут нéмцити* (Р—22); *да ни б'áши Аликсáндр Матрóсуф си дал жишибóту, тугáва млóгу нéгүви другáри, шт'ája да пүгýбнат* (Р—22); *аз б'ах как перeидоңвá дуiáрка ф калхóс «Коммунар» испрáтена на сл'от по" жишиботи нáмислими, да б'áгами с воненошпленнити* (Р—12); *бýхми в ли-со* (Р—12); *ти б'áши бólна* (Р—9); *тъi ли бýши?* (Г—6).

Как видно из приведенных текстов, никакого различия в употреблении форм *бýши* и *б'áши* нет. И в простых и в условных предложениях могут быть употреблены обе формы. Такая же картина наблюдается и в Гюневке.

4. Встречается в говоре Радоловки и Гюневки произношение причастий на *л* в форме мн. ч. прошедшего времени с окончанием и под ударением — *дүшилý*, *билý* — наряду с формами *дүшилé*, *билé*. Обычно разные формы свойственны языку разных лиц. Так, например, в Гюневке у И. К. Ончева (61 год) и И. А. Ончевой (62 года) наблюдаются формы *дүшилý*, *билý*, а у С. А. Маркова (78 лет) и К. Ф. Згурьева (76 лет) — *дүшилé*, *билé*. Старик С. М. Ихтияров (71 год) употребляет обе формы. Таким образом, варианты *дүшилé* и *дүшилý*, отмеченные в лощиновском говоре, были известны говору старых кайраклийцев.

Формы вудá, главá, брадá, пирá, придá являются в говоре Радоловки и Гюневки господствующими. Следует указать, однако, что в речи А. П. Геновой (72 года) было отмечено произношение *брадá*, в речи С. Г. Стоянова (66 лет) — *ас придá*.

Широко известно в говоре Радоловки и Гюневки произношение форм 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. наст. вр. от глаголов II спряжения с твердым согласным перед окончанием, например: *жса вйда* (Р—1); *в шкóлата óдат* (Р—1); *изнáса ут армáну* (Р—3); *брéкат чимúр и прáват къштá уд нéгу* (Р—3); *гу тýра в бурдéту* (Р—5); *гáту с кунé, гáту бис кунé утáдат* (Р—8); *ни мóба да гу нóса ут къши* (Р—8); *ас рабóта в бригáдата* (Р—6); *жсá кóсат с камбáинти, жсá вóзат* (Р—6). Произношение с мягким согласным встречается, но сравнительно редко, главным образом у людей, знакомых с литературным языком.

5. Обычным явлением для говоров Радоловки и Гюневки можно считать произношение форм аориста и имперфекта в 3-м лице мн. ч. с пропуском интервокального х, например: *дрáжсáia уфцé* (Р—3); *пудýр твá братá пус'áia мамúли* (Р—3); *имáа в'áтриштата ф армáн* (Р—3) и т. п.

Однако, в отличие от Лошиновки, выпадение интервокального х отмечается не только в глагольных формах, но вообще во всех категориях слов. Здесь последовательно выдержано произношение *муá, дрéи, снаá, сýва* и т. п.

6. Формы указательных местоимений *тбо, тáа* и *т'áа* (*тбо л'ан, т'áа парý; Р—3*) или *т'áia, тáia* (*зéми тáia книга; Р—3*) так же, как в Лошиновке, являются господствующими.

7. В отличие от Лошиновки, где членная форма о-диалекта вытеснена формой ъ-диалекта и сохраняется только в речи некоторых стариков-кайраклийцев, в говоре Радоловки и Гюневки форма о-диалекта является обычной общеупотребительной формой как имени существительного, так и имени прилагательного м. р. ед. ч.

Членная форма имен существительных под ударением (о): *сас синó си жув'áia* (Р—1); *да учистýм с плугó* (Р—3);

*Рáїноуека — на бригó Азóвскоутоу монрé (Р—4); и таkáx до ви-
чирó (Р—5); кáту пáднечи снигó (Р—9); на ридó (Р—8); маjсó
ми (Р—7); нáшту симéиству сýчкити бивáia стахáноуви.
и синó ми и снаá ми и маjсó ми (Г—5); прупáнна мидó
(Г—8); н'áма кличб (Г—7); на синó си (Г—15); уð даjждó (Г—1)
и т. п.*

В безударном положении (у): *стрóга ф кíру (Р—9); ту-
гýва пулýвами армáн'у (Р—17); изнáса ут армáну (Р—3);
исфóргai пипéлу; дái чuvénu да тóрим вудá (Р—5); илéку ут
димийia (Р—3); фáф клáсу (Р—2); на вráтнику сид'áши (Р—7);
жá вёзат л'áбу (Р—6); ут Шикирлýку (Р—4); в'ëm'у (Г—13);
армáн'у (Г—11); закачíхми ф артéл'у да рабутим (Р—20);
там кrájoу тóпал (Р—19).*

Членная форма имен прилагательных: *на стáрио чул'áк
(Р—4); пудýрнио път (Р—7); синó ми гул'áмио юма мумчé,
тоi вýка на малкио ми син чýчou (Р—5); на свóю грéп
(Р—1); дóлнио, гóрнио Каçач (Р—3); мбíоо баштá (Р—4);
сáхарнио завóт (Р—7); сéл'sкио совéт (Р—10); с идéнио пá-
лишник (Р—17); Сýтрина пéрвио път им дáвами синó, фтó-
рио път им дáвами слáма, трéтио път ги пýсками да поим
в дирéту (Р—16); кóнн'oo дрил' (Г—2); сýчкио дубýтак (Г—6);
самохóднио трáктур (Г—12); дрúгио ден (Г—8); бóлгарскио
изýк (Г—2).*

В лощиновском говоре, как мы отмечали, членная форма о-диалекта в именах прилагательных не встречается. Редкое употребление этой формы в именах существительных является в этом говоре архаизмом, сохранившимся от старого кайраклийского говора. Последнее подтверждается данными говора Радоловки и Гюневки.

Ни в Радоловке, ни в Гюневке не встречается частица будущего времени *ша*. Для образования форм будущего времени здесь употребляется только частица *жá*, например: *ðзарáна жá бéда дóма (Р—9); Лáзар жá дóди (Р—8); ж ýда
на урóту (Р—5); жá начинéм да с'áим (Р—6); скóру жá
дóди март м'áсиц. Зим'áта жá са пукрý сас зилéна тривá, жá
са зазилин'ájат лист'á; пчилýти жá начнéт да фрéкат (Р—18);*

кво нéска жа́ рабóтим; инóту зви́нó ж́йди да плáви, устал'нýти фсíчки ж́йдат да кóпат мамúли... (Р—23); ýtre жа́ а ви́диш, жа́ а пýташ (Г—5); жа́ гу зéмим пýлен (Г—12); жа́ чákам (Г—1); читýрма дýши извóзват зrъну ут амбáру ф пулéту, дéту жа с'áiat (Г—2).

В Лощиновке частица будущего времени *жа*, вытесняемая частицей *ша*, у стариков-кайраклийцев отмечалась значительно реже, чем у старых сатуновцев. Из трех старых кайраклийских фамилий только у представителей семьи Желевых была отмечена частица *жа*. Старики Паскаловы и Кёсевы последовательно образовывали будущее время с частицей *ша*.

В говоре Радоловки и Гюневки известна еще одна характерная черта фракийских говоров, отсутствующая в говоре Лощиновки, — это произношение *идéн*, *идéниа*, например: *пérвио път'* гу иско́пахи *идéн път'* (Р—21); *в тóо дам ýмамеč сóрок кráви, вóсем бýги, идéн кон, с кóitu рýним дáму* (Г—6); *там, н'áма ни идéн* (Р—16); *идéнио из'áва га вóсим пчилí* (Г—8); *пак устáнаўми сигá систрá наíгул'áмата, идéн брат и дв'a сеи стрý по-мáлки* (Р—17).

Произношение *идýн* встречается значительно реже, главным образом у лиц, знакомых с литературным болгарским языком. В Лощиновке произношение *идéн* было отмечено только у одного, самого старого человека в селе — С. С. Карабабана (79 лет), сатуновца по происхождению.

Таким образом, фракийские черты в говоре Радоловки и Гюневки представлены гораздо полнее и последовательнее, чем в говоре Лощиновки. В ряде случаев, когда в Лошиновке имеется два варианта — фракийский и не фракийский, в Радоловке и Гюневке находим только одну форму — наиболее широко известную фракийским говорам. Например, в говоре Лошиновки употребляются варианты *нош* и *нъш*, а в обоих приазовских селах, заселенных старыми кайраклийцами, отмечено только произношение *нош*.

Единое произношение, наблюдаемое в обоих приазовских селах, дает в некоторых случаях возможность точно определить, какой из бытующих в говоре Лошиновки вариантов

восходит к старому кайраклийскому говору. Так, в Лошиновке мы наблюдали варианты *ниē сни* и *ниē сми*, *вīе сви* и *вīе сти*. В Радоловке и Гюневке последовательно употребляются формы *сни* и *сви*, например: *ниē сни чýсти българи* (Р—4); *ни сни чýли* (Р—6); *ниē сни трýма бráти* (Г—11); *ни сни уðíли* (Г—13); *сви пýтами* (Г—9); *вīе сви рýски* (Р—15); *вие сви уð Дóлнио Каçáч* (Р—21); *ние сни ут Каçáч* (Р—21); *үфчир'á сни* (Р—16).

Отсутствие в говоре Радоловки и Гюневки вариантов *сми* и *сти* позволяет предположить, что эти формы до 1862 г. не были известны в Кайраклии и занесены туда сатуновцами после переселения части кайраклийцев в Приазовье.

Аналогичное положение наблюдается в произношении слов *üргáн*, *üурдéчка*, *üумрýк*, которые в Лошиновке могут произноситься и с ютацией и без ютации. В Радоловке и Гюневке эти слова произносятся только без ютации: *ургáн*, *урдéчка*, *умрýк*.

Сравнение с говором Радоловки и Гюневки вносит полную ясность в вопрос о произношении сочетаний плавного р с ъ и употреблении аффрикаты *ðз* в лошиновском говоре.

В говоре Лошиновки, как мы уже отмечали, варианты в произношении сочетаний плавного р и ъ наблюдаются во многих словах, например: *брðзам* и *бързам*, *връх* и *върх*, *гръбъ* и *гарбъ*, *дръво* и *дарвó*, *зрónу* и *зёрну*, *мрадзý* и *марзý*.

В Радоловке и Гюневке таких колебаний обычно нет. В перечисленных и в некоторых других словах последовательно выдерживается произношение ъ после плавного, например: *бръзам*, *гръп*, *на грábó*, *дравó*, *дражý*, *зрónу*, *прибръза*, *утвръзи*. Очень редко встречается произношение *зёрну*. Зато в словах *саrбá*, *саrçé*, *фёргам* ъ всегда стоит перед плавным. В этих словах и в лошиновском говоре колебаний не наблюдается: ъ стоит перед плавным.

В Лошиновке существуют варианты в произношении с аффрикатой *ðз* и без нее слов, которые в говоре Радоловки и Гюневки последовательно сохраняют аффрикату *ðз* (*надзéди*, *ðzádнио*,

мардэй); в тех же словах, которые в этих говорах употребляются без аффрикаты (*връзам*, *зингий*, *званец*), колебаний в Лошиноовке нет: они и там произносятся без *ձ*.

Варианты, отличные от говора Радоловки и Гюневки, восходят, следовательно, к сатуновскому говору, в котором, видимо, отсутствовала аффриката *ձ* и *ъ* употреблялся перед плавным.

Следует отметить варианты лошиноовского говора, известные также говорам Радоловки и Гюневки. Некоторые из них, отражающие различие Радоловки и Гюневки, были приведены выше; это *чул'ак* и *чил'ак*, *жул'азу* и *жил'азу*, *кон* и *кон¹*, *път* и *път¹*. Кроме этих вариантов, в обоих говорах отмечены еще следующие явления:

- 1) произношение и отсутствие *х* в начале слов *[x]óра* и *[x]ýбаф*;
- 2) ассимиляция групп *ди*, *би* и ее отсутствие в словах *нáдна* — *пánна*, *дрéбни* — *дрémни*;
- 3) неустойчивость ударения в формах мн. ч.: *бригуевé* и *бр'áгви*, *кунé* и *кóни*, *мажé* и *мъжи*, *уфцé* и *óфци*. Нужно заметить, что если в Лошиноовке формы *кóни*, *мъжи*, *óфци* почти вышли из употребления, то в говорах Радоловки и Гюневки эти варианты равноправны;
- 4) *б'ах* и *бих*;
- 5) *душлé* и *душлý* (реже);
- 6) *тóо* и *тоз* (последняя форма употребляется значительно реже) и некоторые другие, не отраженные в программе атласа, например: *рабóта* и *ráбут'a* (твердость и мягкость конечного согласного корня в 1-м л. настоящего времени глаголов II спряжения); формы аориста *дудóх* и *дудéх* и др.

На судьбу этих вариантов в Лошиноовском говоре могло оказать известное влияние наличие или отсутствие того или другого варианта в сатуновском говоре; имело значение и то, какой из них был более свойственен говору оставшихся в селе кайраклийцев.

В говоре Радоловки и Гюневки, так же как в говоре Лошиноовки, в двух вариантах употребляется краткая форма личного местоимения вин. п. ед. ч.: *а* (*ia*) и *га*.

Форму *a* (*ia*) употребляют представители старшего поколения, например: *вълна кáту а снýмиш уđ уфцáта, а пунáриш с гурéшта вудá* (Г — 9); *т'á ни л'ύби да а биспоуќбииш* (Г — 8); *фср'áда жá а завидéт* (бúлката) (Г — 5); *пл'áва ia нóсим сас тáргата* (Г — 4); *тиќвата а жáрат на плýтата* (Г — 2); *зим'á, куїáту ia здáвáхми...* (Р — 10); *жá а напráвим пýтата* (Р — 5).

Молодежь употребляет форму *ga*, например: *ас ужé гá израбóтих* (Р — 15); *т'а гá н'áма* (Г — 15).

В отличие от Лощиновки, в Радоловке и Гюневке эта форма встречается не только в языке молодежи, но и у старшего поколения, например, у П. С. Жейнова (38 лет): *пóслеи дéсст питнáци ðéна тáя зим'á а урéм на двáиси, двáиси и два сантимéтра и пóслеи тва начинáвами да гá кул'тивирóвами* (Г — 12); у Л. К. Згуровьева (70 лет): *тáа цидылка а мóкри фав вудá и га растýла на курýтуту* (Р — 16); у Е. Е. Кочевой (60 лет): *жá гá замáжса; сувсéм га н'áма цибárка* (Р — 7). Однако чаще Кочева употребляет формы *a* (*ia*).

В области лексики говор Радоловки и Гюневки представляет особенности фракийских говоров также более последовательно, чем лощиновский говор. Весь круг слов, характерных для фракийской группы болгарских говоров Украины и встречающихся в говоре Лощиновки, мы находим и здесь: *цáклó, дýдала, разбói, прижгилó, каїсýи, свáкоу, штérка джубрýнки, лáина, гýшики, бéл, купрýн'a, паимóли, ипýя, сýтрина*.

В ряде случаев в Лощиновке, наряду с фракийским словом, употребляется вариант из другого говора, чего нет в Радоловке и Гюневке.

Радоловка и Гюневка

<i>штérка</i>
<i>синýia</i>
<i>паимóли</i>
<i>мис'ýр</i>
<i>джубрýнки</i>
<i>(x)уртýвам</i>
<i>кóрен</i>

Лощиновка

<i>штérка, дýштер'á</i>
<i>синýia, суфрá</i>
<i>паишкýли, паимóли</i>
<i>мис'ýр, куркáн</i>
<i>джубрýнки, джумéрки</i>
<i>гал'чá, хуртýвам</i>
<i>кóрен, лүжáн</i>

Иногда фракийский вариант, бытующий в говоре Радоловки и Гюневки, в лошиновском говоре почти не употребляется (или совсем не употребляется) и известен только некоторым старикам, например:

Радоловка и Гюневка

*калпák**клáденец**тäсмá**гýшки**пäчá**сýтрина*

Лошиновка

шáпка (*калпák* употребляют только старики)*герáн* (*клáденец* встречается очень редко)*кайш* (*тäсмá* вышло из употребления; его назвала только С. С. Паскарова, 75 лет)*сармý* (только С. С. Паскарова сообщила, что «алис по-български — гýшки, сигá кáзват сармý»)*халадéц* (*пäчá* вышло из употребления: «на пачáта кáзват хáллáдéц» — С. С. Паскарова)*дзарáну, ráну* (слово *сýтрина* было записано только у старика Паскарова).

Некоторые слова старого кайраклийского говора не были названы даже стариками-лошиновцами, например:

Радоловка и Гюневка

*уджáк**напашбí*
*мамýл'a**купрýн'a**пýта*
*милýна**ишумýк*
удвáра

Лошиновка

только *кáрóк*только *напашбí**бýби*только *милýна*только *удвáра*

Слово *казан* в лощиновском говоре тоже, повидимому, новое. С. С. Паскарова сообщила, что в старину говорили *бárka*: «Амис по-български бárka. Сигá вéчи ни кáзват, кáзват казан». В современном говоре Радоловки и Гюневки — *цибárka* или *цибéрка*; взято, видимо, из украинского языка.

Сопоставление лощиновского говора с говором Радоловки и Гюневки дает возможность восстановить некоторые черты старого кайраклийского говора, утраченные в современном лощиновском. К таким явлениям относятся:

- 1) произношение ф вм. х в окончаниях имен прилагательных, например: *сүф*, *глуф*;
- 2) произношение *идён*, широко известное во всех фракийских говорах;
- 3) произношение *гёдини* с ударением на первом слоге;
- 4) наименование ряда предметов: *калпák*, *клáденец*, *тäсмá*, *гúшки*, *пáчá*, *сúтрина*, *уджák*, *мамúл'a*, *куприн'a*, *пýта*.

Сопоставление с говорами Радоловки и Гюневки позволяет определить круг слов и явлений в современном лощиновском говоре, которые не были свойственны старому кайраклийскому говору и восходят, видимо, к сатуновскому:

- 1) произношение *нъш* в противоположность старому кайраклийскому *нош*;
- 2) произношение ъ перед плавным в ряде слов: *върх*, *гърбъ*, *зърну*, *марзъ* и др.;
- 3) случаи отсутствия произношения аффрикаты *дз*;
- 4) сохранение интервокального х: *б'áха*, *снахá*, *мухá* (*муçá*), *блахá* и др.;
- 5) произношение звука ѹ в словах: *иургán*, *иурдéчка*, *иумрúк*;
- 6) произношение *сми* и *сти*;
- 7) частица будущего времени *шá*;
- 8) членная форма ъ-диалекта;
- 9) в лексике: *гáл'чá* (ставшее в говоре господствующей формой, при сравнительно редко употребляемом в Лощиновке слове *хуртúвам*.); *даштер'á*, *пашкúли*, *сóнушник* (соты), *куркáн*, (*ð*)*иумрéрки*, *лужáн* (употребляющиеся в лощиновском говоре наряду со старыми кайраклийскими словами *штéрка*,

пашмόли, мисýр, джубрýнки, кбрен); суфрá, кайш, казán, герáн, карък, сармý, рапу, бўби (полностью вытеснившие кайраклийские варианты).

Сравнение с основными типами бессарабских говоров показывает, что черты эти не могут относиться к системе одного говора и что, следовательно, говор сатуновцев, пришедших в Кайраклию, был смешанным говором.

III

Вопрос о говоре сатуновцев является весьма сложным. Анализ вариантов лощиновского говора и употребления этих вариантов сатуновцами и кайраклийцами, а также сравнение с данными говора Радоловки и Гюневки показывают, что говор сатуновцев не был единым, что он заключал в себе элементы разных диалектных систем.

Наблюдение этого говора вне Лошиновки представляло большие трудности, так как в селе Новосельском (б. Сатунове), жители которого переселились в 1862 г. в Кайраклию, в настоящее время болгар почти нет. Новосельское — молдавское село, где все население говорит по-молдавски. Болгарский и гагаузский языки помнят сейчас только некоторые старики. Молодежь из болгарских и гагаузских семей говорит исключительно по-молдавски, так как даже в семейном кругу болгарты и гагаузы родным языком почти не пользуются.

Старый сатуновский говор в селе Новосельском представлен только двумя фамилиями. Представителем одной является С. Д. Тодоров, старик лет 60, знающий болгарский язык; жена у него — молдаванка, детей нет. Другую старую болгарскую фамилию представляют братья Гергиевы. Говор одного из них, Георгия Федоровича (50 лет) был записан.

Кроме них, есть в селе Новосельском несколько болгарских семей, переселившихся из Болграда уже после ухода сатуновцев в Кайраклию (Великовы, Дойковы и Вульпе). Есть прибывшие из Болгарии — Мильчевы и Трифоновы. Все они живут изолированно друг от друга и между собой почти не общаются.

Последнее обстоятельство способствовало, видимо, тому, что в селе Новосельском неплохо сохранился редкий на территории Советского Союза говор восточнородопского типа, носителями которого оказались Гергиевы. Г. Ф. Гергиев довольно последовательно сохраняет систему восточнородопского говора.

В отличие от него С. Д. Тодоров говорит на смешанном говоре, в котором чувствуются элементы разных систем. Говор Тодорова по основным признакам относится к чийшийскому типу, вместе с тем он отражает некоторые черты восточнородопских и отчасти болградских говоров. Характерно, что С. Д. Тодоров во время беседы часто сам себя поправлял, называя сначала чийшийскую, а потом родопскую форму.

Итак, два представителя старых сатуновских болгарских фамилий оказались носителями разных говоров. В речи Тодорова и Гергиева были отмечены следующие различия:

Г е р г и е в

Т о д о р о в

Последовательное произношение 'а на месте старого ъ под ударением не только перед твердыми, но и перед мягкими согласными: *л'ато^у* — *л'атнија* *ден'*, *гр'ах* — *гр'ашен*, *мл'аку* — *мл'ачна*, *см'ашен*.

Колебания отмечены только в словах *бёше* и *б'аше*, причем форма *б'аше* употреблялась чаще.

Отсутствие чередования а—е после шипящих перед твердым и мягким согласным: *жáба* — *жéби*, *уфчáр* — *уфчéри*.

Произношение *нéма*, *нémам*, *н'áма*, *н'ámам*. иногда *н'áмам*.

Под ударением перед мягкими согласными колебания: *ф недéла*, *турéти*, *бéши*, *лéтни*; но *мл'ачна*, *гр'ашен*.

Чередование а—е после шипящих: *жáба* — *жéби*, *уфчáр* — *уфчéри*.

Гергиев

Произношение ц в начале слов: *цёрна, цркva, царница*.

Произношение излыгат

Произношение звука е в кратких формах местоимений вин. п. *ме, те, се*.

Ударение на 1-м слоге в формах повелительного наклонения: *нáправете, тýрете, дбнecи, тýри.*

Ударение на 1-м слоге в формах 1-го л. настоящего времени: (*прéда, нéра* и т. п.) и в отдельных существительных: *дъшte"p'a, рéка, сéстра, мóмече"*, *жéни* и др.

Форма личного местоимения 1-го л. ед. ч. — *ja*.

Произношение местоимений 1-го л. мн. ч. *нéia, 3-го л. мн. ч. тéia.*

Форма мн. ч. — *réki.*

Произношение *чýчу, шурóк.*

Тодоров

чёрна, червён.

излыгат.

Произношение этих местоимений то с ъ, то с е: *були ма главъта, тешко са вárди, но присыни ми се сън.*

Ударение не на первом слоге: *направéти, турéти, върý, дунéс вудъ; но сéдни.*

Ударение на флексии: *предъ, нирó; даштер'á.*

нýie.

тýie.

рýчи.

Отсутствие лабиализации и: *чýчу, ширóк.*

Кроме того, наблюдаются некоторые различия в лексике. Например, Гергиев говорит *джуни*, а Тодоров — *бърни*; у Гергиева — *царница*, у Тодорова — *барабонка* и др.

В то же время в речи Тодорова были отмечены формы, свойственные восточнородопскому говору: *длéк път', делéко^v, нёги, с'ану, джеп, мóми, жмéрки* (в чийшийском говоре следовало ожидать *длък* или *дъл'ак*, *кракá*, *синó*, *джéп*, *мумý*, *джумéрки*), *гроздетьу* *фтáсо* вм. *фтáса*. У Гергиева эти фор-

мы обычны: *ни се відо нýшту; тва на мёне не ми бендýсо.* Будущее время Тодоров образует с частицей *ша*, как Гергиев и болградцы, а форму *жса* он считает чужой: «Ф Карагач и Импуцита рекът *жса* *йдем*, пак тұка у нас *шá* *йдем*». Тем не менее не представляет сомнений, что говор Тодорова в основе своей — чийшийский. Об этом свидетельствуют приведенные выше формы глагола настоящего времени — *перъ, предъ*; слово *бёрни*, известное у нас только чийшийским говорам; утрата *х* в начале слов (*бðих*) и другие черты, общие с соседними говорами чийшийского типа в селе Импуците и Карагаче: мягкость конечных согласных — *път'*, *сън'*, *зет'*, *кептар'*, *йурган'*, *каүн'*, *бакър'*; произношение *ъ* под ударением в окончаниях слов ж. р. — *главъ, гуръ, вудъ, иdnъ*; произношение *нъш*. Три последние черты мы находим, правда, и в говоре Гергиева, например, произношение *кузъ, странъ, зимъ, стenъ, маглъ, хранъ, снахъ, главъ, брадъ, басмъ, зиме*, но *мумá* и *жисинá*. Это произношение широко известно в восточнородопских говорах. Однако в говоре села Алан-Кайрак около Бургаса, наиболее близком к катуновскому, это произношение возможно только в членной форме, так как без членной формы ударение в этих словах падает на первый слог, например: *бда, глáва*, но *удъта, глаvъта*¹. Можно предположить, что произношение этих слов с ударением на конце в говоре Гергиева заимствовано из чийшийского говора. Произношение *нъш*, а также мягкость конечных согласных, отмеченная у Гергиева в словах *дён'*, *път'*, *куфár'*, *сол'*, *клóпум'*, *кон'*, являются чертами, общими у чийшийских и восточнородопских говоров.

В окончаниях 1-го л. настоящего времени односложных глагольных форм, где ударение падает на окончание, Гергиев произносит *ъ* (*спъ*).

Совпадающей в обоих говорах является форма *ъ* — диалекта. Правда, Милетич указывает для алан-кайракского говора форму полного члена, свойственную восточнородопским говорам². Однако в катуновском говоре эта форма не была

¹ Miletic. Das Ostbulgarische. Wien, 1903, S. 63, 239.

² Там же, S. 237—238.

обнаружена. В речи Гергиева отмечена только краткая форма, например: *дён'ё, синё, кёра, пёт'a, гёбла, геран'e, дёбра*.

Интересно, что в речи обоих лиц встречается иногда произношение *а* в окончаниях слов ж. р.: *суфрáта, брадá, кусá* (Тодоров), *удá, вудá* (Гергиев). Это объясняется, вероятно, влиянием болградского говора. В речи Тодорова отмечены и другие болградские черты: форма указательного местоимения *тоз* (наряду с *тбо, т'аа*), *сýн'ките* (наряду с *сýчжите*), отдельные случаи произношения *х* в начале слов — *хýбаф, хóра*. Произношение *х* в начале слова отмечено и у Гергиева. Однако в речи Гергиева влияние других говоров отражено в меньшей степени.

Все особенности говора лошиновских сатуновцев, не свойственные говорам чийшийского типа, были обнаружены в речи Гергиева: произношение *жéтва, шéна, душлý, билý*; ѹотация в словах *іурдéчка, іумрúк, іургáн*; отсутствие аффрикаты *дж* — *зáдни́ца, марзý, назáт*; произношение *нéја, тéја*; произношение возвратного местоимения *се*; произношение *жумéрки* без аффрикаты *дж*; произношение *изл'áгаја* вм. *изл'азаја*, отмеченное у Н. Ф. Бурлакова. Все эти черты, имеющие в Лошиновке распространение преимущественно или исключительно у сатуновцев, восходят к восточнородопскому говору.

Однако еще большее число признаков сатуновского восточнородопского говора не нашло никакого отражения в говоре Лошиновки. И что особенно интересно, не оказали влияния на лошиновский говор как раз наиболее яркие и своеобразные особенности восточнородопского говора, сохраняющиеся в речи Гергиева, например:

- 1) произношение *цър* на месте *чър* в начале слова, например: *цárвén, цárнýча, цръкva*;
- 2) последовательная ѹотация гласных в начале слова, например: *ja, jáбал'ka, jáгне, jéсен, iеднó*;
- 3) отсутствие редукции безударного *е* или слабая редукция: *утбдаме, делéкоу, не знáм, зем'ё, стбтени, геран'e, сéтне, ф н'ед'áл'a* и другие.

В речи Гергиева сохранились и другие, более частные особенности восточнородопских говоров, которые мы приводим ниже, параллельно с соответствующими данными лошиновского говора:

Произношение

Гергиева

*нёма, нёмам**длек, длёги**джéп**вёйк'а, вёйт'а**небó**шурбóк, чýчу*

Лошиновское

произношение

*н'áма, н'áмам**дълък**джéп**вёки, вёчи**нейбé**ширбóк, чýчу*

Форма личного местоимения

1-го л. мн. ч. дат. п. — *хми**и.м.**казáха**унáја*Форма указательного местоимения — *нёва**аз**вýда, фтáса, врёзам*

Форма личного местоимения

1-го л. ед. ч. — *ja*Глагольные формы настоящего времени: *вýдом, вýдош, вýдо, фтáсо, врёзом*Формы 3-го л. мн. ч. настоящего времени: *лув'ет, жув'ёт**жсуv'éjat*Ударение на 1-м слоге в форме мн. ч. повелительного наклонения: *гъл'чите, тýрите;*
в формах настоящего времени:
*нёра, прéда, бтучина**гал'чáти, тур'áти**ниpá, приdá*Ударение на 1-м слоге во многих именах существительных ед. и мн. ч.: *мбмче, бку, месу, д'áте, с'ану, сёстра, рóка, д'ыштер'a, мбми, ўшнцки, жёни* и т. п.*мумчé, укó, мисб, дитé, синó, сеcтstrá, ракá, даштérá, мумý, жинý*

Произношение
Гергиеva

Произношение ъ в формах
1-го л. ед. ч. настоящего
времени и в окончаниях слов
ж. р. под ударением (*спъ, уදъ*).

Лошиновское
произношение

спа, уදа

Различия в этих двух говорах столь значительны, что возникает законное сомнение в том, действительно ли восточнородопский говор принимал участие в формировании лошиновского говора. Однако это действительно так. Помимо лингвистических данных (многие особенности говора лошиновских сатуновцев трудно было бы объяснить без привлечения этого говора), мы располагаем неоспоримым свидетельством того, что говор Гергиеевых действительно относится к старым говорам Сатунова, что представители этого говора жили там с 1829 г. Дело в том, что говор Гергиеевых почти полностью совпадает с имеющимся в описании Милетича восточнородопским говором селения Алан-Кайрак, расположенного недалеко от Бургаса. Данные, обнаруженные проф. С. Б. Бернштейном в Одесском архиве, свидетельствуют о том, что выходцы из Алан-Кайрака действительно были в числе переселенцев-болгар, прибывших в Россию из Созополя морем весной 1829 г.¹ О количестве этих переселенцев данных, к сожалению, нет. Единственным местом среди болгарских поселений, где обнаружены представители этого говора, является село Новосельское Ренийского района Измаильской области УССР (б. Сатуново).

Алан-Кайракский говор в Сатунове оказался довольно устойчивым. Современное состояние говора Гергиеевых свидетельствует о том, что к моменту переселения в Кайраклию этот говор не утратил еще своих характерных особенностей.

В составе лошиновского говора судьба его сложилась иначе. Все наиболее яркие особенности этого говора в Лошиновке

¹ С. Б. Бернштейн. Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время Русско-турецкой войны 1828—1829 г. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. I, М. — Л., 1949, стр. 327.

были утрачены. Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть явлений восточнородопского говора, не нашедших отражения в лощиновском говоре, резко отличают сатуновский говор от всех других говоров Бессарабии, в том числе и от тех говоров, которые вошли в состав лощиновского говора. Все это в большинстве случаев черты западноболгарские по происхождению.

Тем не менее восточнородопский говор сыграл немалую роль в формировании лощиновского говора. Это относится главным образом к тем его чертам, которые совпадали с отдельными чертами других говоров. Судьба многих важных явлений была определена тем, что один из вариантов совпадал с восточнородопским. Так, кайраклийский говор сохранил южный тип произношения старого ъ, совпадавший с восточнородопским, но утратил форму о-диалекта, так как обойм сатуновским говорам была свойственна форма ъ-диалекта. Укрепилась в лошиновском говоре форма повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. с ударением на первом слоге (*зёми, тўри, нáправи*), нашедшая поддержку в восточнородопском говоре. В кайраклийском говоре Радоловки и Гюневки ударение на 1-м слоге наблюдается только в бесприставочных глаголах, а в приставочных падает на конец. Трудно сейчас решать вопрос о том, было ли это исконной чертой кайраклийского говора или развилось в говорах Радоловки и Гюневки позднее. В формах мн. ч. повелительного наклонения ударение осталось на старом месте (*нáправ'áти, тур'áти*). Восточнородопская форма (*нáправите, түрете*) не привилась, как не привилась и вся система восточнородопского ударения, противоречащая нормам двух других говоров. Вопреки чийшийскому и старому кайраклийскому говорам, которым свойственна частица будущего времени *эса*, в лошиновском говоре побеждает частица *ша*, принесенная в Лошиновку восточнородопским говором. Достоверных данных о том, что частица *ша* в качестве варианта была известна старому кайраклийскому говору, у нас нет. Подобное предположение, однако, не лишено основания, так как частица *ша* последовательно употребляется

некоторыми представителями старых кайраклийских фамилий (И. В. Кёсевым, М. М. Паскаловым и др.), в языке которых мы наблюдаем также употребление указательных местоимений *mázi*, *móz*, *méz* (*m'áz*), не свойственное ни фракийским, ни чийшийским болгарским говорам СССР. Но если даже и допустить наличие некоторых элементов южнобалканских говоров в составе старого кайраклийского говора, все же решающая роль восточнородопского говора в укреплении этой черты (частицы будущего времени — *ша*) не подлежит сомнению. Продолжает в качестве варианта существовать в лощиновском говоре произношение *нъш*; произношение *сми* и *сти*, характерное для восточнородопского и чийшийского говоров; произношение *жéтва*, *шéпа*, *били*, *душили*, свойственное восточнородопскому говору, но имевшееся в качестве варианта и в старом кайраклийском говоре; произношение сочетания *ър* с постановкой *ъ* перед плавным, общее для восточнородопского и чийшийского говоров. Сохранение в речи лошиновских сатуновцев произношения з в ряде случаев, где в других говорах произносится аффриката *ձ* (*марձай*, *надձат* и т. п.), возможно, поддержано тем, что в старом кайраклийском говоре аффриката *ձ* также употреблялась не последовательно. Таким образом, все важнейшие черты восточнородопского говора, укрепившиеся в современном лошиновском говоре, как правило, поддерживаются каким-либо другим говором.

Влиянием родопского говора следует объяснить усвоение в лошиновском говоре произношения интервокального х в ряде слов: *мухá*, *дрéхи*, *снахá*. Типичным для чийшийских говоров и многих фракийских, в том числе и кайраклийского в селах Радоловке и Гюневке, является утрата интервокального х во всех категориях слов. В глагольных формах это произношение утвердилось и в лошиновском говоре. Исчезает в лошиновском говоре произношение *пáнна*, *глáнна*, *дрéмни*, известное в качестве варианта в кайраклийском говоре Радоловки и Гюневки. Полностью вытеснено старое кайраклийское произношение *идéн*. Здесь сказалось влияние обоих сатуновских говоров. Однако далеко не всегда черты, общие

у восточнородопского и чийшийского говоров, вытесняли старое кайраклийское произношение. Так, например, свойственная обоим этим говорам мягкость конечных согласных в лощиновском говоре утрачена, за исключением слов *кон'* и *път'*. Эти слова в двух вариантах (твердом и мягком) были известны и старому кайраклийскому говору, о чем свидетельствуют данные Радоловки и Гюневки. Полностью утрачена лощиновским говором такая яркая особенность чийшийского и восточнородопского говоров, как произношение ъ в окончаниях слов женского рода и глагольных форм 1-го л. настоящего времени под ударением. Возможно, этому способствовало то обстоятельство, что в чийшийском и восточнородопском говорах не совпадает место ударения (ср. родопское — *нёра*, *прёда* и чийшийское — *нирё*, *придё*; *вёда* и *удё* и т. п.).

Победа фракийского говора в процессе создания единого говора из слияния трех разнотипных была обусловлена не только тем, что это был говор коренных жителей села Кайраклии. Преобладание восточнофракийских черт в общем облике лощиновского говора объясняется также и тем, что говор кайраклийских болгар имел много общих черт с каждым из *влившихся* в него говоров, более того, — каждый из них в отдельности был ближе к кайраклийскому, чем к другому сатунновскому говору. Южная основа кайраклийского говора нашла поддержку в южноболгарских чертах восточнородопского говора (произношение ъ, ударение в формах повелительного наклонения и др.). Западные черты восточнородопского говора были нейтрализованы восточноболгарской стихией кайраклийского и чийшийского говоров. Кроме того, восточнофракийские и чийшийские говоры имеют общие черты, не являющиеся характерными для всех восточноболгарских говоров, которые также отличают их от восточнородопского говора (например, произношение *шáпа*, *жáтва*, пропуск интервокального х и х в начале слова, лабиализация и в словах *чил'ák*, *жил'áзы*). Таким образом, в результате сложного взаимодействия трех разнотипных говоров сформировался говор, восточнофракийский в своей основе, воспринявший целый ряд черт двух других говоров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный лощиновский говор является смешанным говором, в формировании которого приняли участие три говора: старый кайраклийский говор восточнофракийского типа и два сатуновских, один из которых принадлежал к северо-восточным болгарским говорам чийшийского типа, а другой являлся представителем восточнородопских говоров.

На основе архивных данных и сравнения говоров удалось установить, что представители восточнородопского говора в Сатунове являются выселенцами из села Алан-Кайрак, расположенного недалеко от Бургаса. В настоящее время оба говора Сатунова почти исчезли; в селе теперь господствует молдавский язык.

Старый кайраклийский говор сохранился очень хорошо в болгарских селах Приазовья — Радоловке и Гюневке, в которых выселенцы из бессарабской Кайраклии живут изолированно от представителей других болгарских говоров.

Несмотря на значительные различия в говорах, вошедших в состав лошиновского говора, он не представляет в настоящее время случайной смеси разнородных языковых черт. Многие варианты в лошиновском говоре утрачены, а в большей части еще сохраняющихся вариантов определились господствующие черты говора. Это позволяет заключить, что в современной Лощиновке уже имеется единый говор.

По основным диалектным признакам этот говор принадлежит к типу восточнофракийских говоров. Таким образом, в процессе скрещивания трех разнотипных говоров в пределах одного села победителем вышел один из них — старый кайраклийский говор восточнофракийского типа. Здесь произошло то же самое, что обычно наблюдается при скрещивании различных языков: «На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития...»¹.

¹ И. Стalin. Марксизм и вопросы языкоznания. Госполитиздат, 1950, стр. 29—30.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ЛИЦ, У КОТОРЫХ ПРОИЗВЕДЕНЫ ЗАПИСИ
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Село Лощиновка

1. Тихнева Мария Федоровна, 69 лет
2. Кёсев Василий Георгиевич, 42 года
3. Паскалов Нестор Павлович, 60 лет
4. Монев Георгий Дмитриевич, 49 лет
5. Бурлаков Андрей Ильич, 62 года
6. Иванов Афанасий Федорович, 70 лет
7. Иванова Софья Пеладиновна, 15 лет
8. Казаков Василий Федорович, 36 лет
9. Кёсев Митрофан Николаевич, 65 лет
10. Дурова Анна Эмануиловна, 63 года
11. Куртева Татьяна Георгиевна, 53 года
12. Гутов Георгий Федорович, 38 лет
13. Гергиев Петр Васильевич, 36 лет
14. Пентийская Варвара Степановна, 24 года
15. Русев Михаил Дмитриевич, 34 года
16. Маринов Михаил Георгиевич, 30 лет
17. Карабебан Дмитрий Павлович, 40 лет
18. Радева Александра Васильевна, 30 лет
19. Такатлы Софья Григорьевна, 58 лет
20. Паскалова Меланья Трифоновна, 34 года
21. Куртева Александра Ивановна, 18 лет
22. Киркова Зиновья Николаевна, 49 лет
23. Маринов Степан Федорович, 69 лет
24. Паскалова Нина Ивановна, 24 года
25. Бурлакова Акулина Георгиевна, 63 года
26. Урун Мария Степановна, 14 лет
27. Кёсев Иван Васильевич, 74 года
28. Волков Петр Ильич, ок. 40 лет
29. Бурлаков Афанасий Георгиевич, 38 лет
30. Близнак Николай Иванович, 37 лет
31. Славова Мария Николаевна, ок. 50 лет
32. Иванова Варвара Николаевна, 56 лет
33. Паскалов Максим Михайлович, 66 лет
34. Урун Надежда Георгиевна, 36 лет
35. Калев Степан Иванович, 19 лет
36. Кёсева Меланья Михайловна, 19 лет
37. Куртева Екатерина Степановна, 53 года
38. Куртев Иван Николаевич, 53 года
39. Маринова Пелагея Кирилловна, ок. 70 лет
40. Минчева Мария Степановна, 45 лет
41. Минчева Агафья Павловна, 50 лет
42. Паскалова Екатерина Петровна, 68 лет
43. Паскалова Степанида Степановна, 75 лет
44. Костева Анна Никифоровна, 68 лет
45. Калева Пелагея Илиевна, 70 лет
46. Карапетров Василий Георгиевич, 62 года
47. Карабебан Степан Степанович, 79 лет

Село Радоловка

1. Генева Анастасия Петровна, 72 года
2. Тахтаджиева Людмила Ивановна, 26 лет
3. Стоянов Савва Гаврилович, 66 лет
4. Дженков Антон Петрович, 65 лет
5. Згульева Елена Степановна, 66 лет
6. Паскалова Ольга Ивановна, 20 лет
7. Кочева Евдокия Егоровна, 60 лет
8. Сарбиева Мария Илиевна, 87 лет
9. Сарбиева (Паскалова) Мария Степановна, 45 лет
10. Шимов Федор Савельевич, 43 года
11. Деветлийский Василий Степанович, 63 года
12. Николаева Мария Ивановна, 26 лет
13. Кириллова Мария Григорьевна, 49 лет
14. Дженков Иван Степанович, 38 лет
15. Намлиева Ирина Семеновна, 30 лет
16. Згульев Лазарь Кириллович, 70 лет
17. Згульева Анна Дмитриевна, 63 года
18. Тахтаджиева Ольга Васильевна, 15 лет
19. Тахтаджиева Акулина Степановна, 68 лет
20. Тонев Демьян Григорьевич, 69 лет
21. Джентова Мария Семеновна, 25 лет
22. Тигова Мария Ивановна, 18 лет
23. Намлиева Мария Григорьевна, 29 лет
24. Кочев Иван Степанович, 67 лет

Село Гюневка

1. Карастоянов Степан Демьянович, 80 лет
2. Касапов Василий Николаевич, 47 лет
3. Касапова Елена Васильевна, 29 лет
4. Ончев Иван Кириллович, 61 год
5. Ончева Ирина Афанасьевна, 62 года
6. Бурилков Василий Михайлович, 46 лет
7. Златева Степанида Петровна, 30 лет
8. Ихтияров Степан Михайлович, 71 год
9. Куцарева (Кесева) Василиса Степановна, 59 лет
10. Ончева (Кесева) Анна Степановна, 50 лет
11. Згульев Кирилл Федорович, 76 лет
12. Жейнов Петр Степанович, 38 лет
13. Марков Степан Афанасьевич, 78 лет
14. Кетков Иван Филаретович, 24 года
15. Ончева Надежда Ивановна, 31 год
16. Генов Демьян Васильевич, 74 года

ТЕКСТЫ

Ас работа вав вино^Уграðарскат^А бригáд^А кälхоз^А «Красны^У
о^Укт'абр^А». Работа вёки три гудйни. Пруваждам рабута вов^У

вр'ами, сýчкити уб'ázäno^усти, куйту ми са зäдäвät. В нашту лóзи ýмами шe^иснáјси никтárä и вóсим никтárä зáјбер, го^у о^убрäбóтвáми саз дvaјsi дúши бригádä. Ф прôлë^итну вр'ами приуизv'áждáми o^убрéскá дурдé ни начéнал сóка dä рабo^ути. Пудíр туi начéнали dä гу пудврéзвáми сúхá по^удв'áскá, куйту nã тел пудврéзвáми гу zä тилé, а куйту nã ирéци гу пудврéзвáми zä ирéкá. На ивропéјцко^уту лóзи са прув'áждát и дрóги рабути, кýкту ублóмкá нигбóднити прýчкí.

Пудíр начéвáми dä гу прýскáми с мáтиr'ál räзвéден син káмак и кирéч, гáту до^устíгнáт лист'áтä du пет ko^упéжki mo^унéтä, а пудíри зáвíси ut вr'ámitu, кu бéди дъjo^уvító^у вr'ámitu, mo^уже^и dä сa прýскá ut tri du пet pýt'á.

Сa ko^уpái лóзиту три-чéтири pýt'á зáвíси тóжи do^у вr'ámitu кu растé т्रивá.

У нас успéвá dä узráji грóздиту с ko^уnþá ijýl'á pu пит-нáцитáвá o^уkt'ábr'á. Убórkáta прув'áждáми pu сорту и a прórábátvámi nã вínu тóже^и pu сортуви. Прórábátvámi гу саз дро^убíлкá дéту сa истékvá pérviá сорт вínu. Пудírtu i гу тóргáми ф прéсу, дéту сa по^улучáвá фтóriá сорт вínu. Гу хрáним фáв бéчви, дрéвини. Вíнуто^у начéвá dä вr'ëи dva do^у tri dénä. Пудíри начéвá dä сa o^уsáждá.

Пудíр убórkáta сa зáнимáвáми саз зáкryváne^и [лóзиту nã зimátä dä ni izmrézni. A zájbirä гу устáвáми уткрýт, штóту тоi ni сa ббóji уд мразé.

(Записано у Гергиева П. В., 36 л.,
с. Лощиновка, 1949 год).

Ja сýм рудéн хил'ádä и вóсем стбóтен деведe^исé и дéвет.

Чух нашти баштý (бáштá nã d'ádu ni) душлý ud Булгáрия. Наш d'ádu кату умр'á b'áше усе^имдесé и сéдем гудýни. Тоi умр'á ф четирnájsetä гудýnä. Тоi бéшe^и рудéн тýkä.

Nã наште бéлгáре, штóту дбóдáxä приз Дýнává, тми наzváxä цýгánski бéлгáре.

Ja ýmám tri дицá, иинбó мóмчe и дv'a mo^уmýchátä. Мóмчetu јe в слúжба, mo^уmýchátä сa дómä. Иднóту ужéнату, иинóту јe мáлкu.

Ja нéскá ше йдá дá кóс'a с'áну в бáлтátä.

У нас земé йmá в нашијa калхóс две хíл'ади пет' стóтен дес'týни. Земéтä јe хúбáвá.

(Записано у Гергиеva Г. Ф., 50 л.,
с. Новосельское (Сатуново), 1949 г.)

Пу бригáдá мóа тóжи да рáскáжá. Фaв бригáдáтä йmáми рáбóчи дивидисé и два чул'áká жинí и мéжki и пáдрóски. Бригáдíру, нéгуватá фýнкцијa тák'vá: вéчир по"лучává нá-р'át ут притсидáтél'a нá кáлхóзá. Сúтрина ф шес чásä дувád'a в бригáдáтä дává нá нéгувити бóра, дéту сa зáкрипéни зá бри-гáдáтä, нар'át. Сéде"м дúши тóри дá с'ájät пудír трáкто"r сaз дv'a дíски и два кóнни дрýl'a; идéнио кóнн'oо дрил' нá три-најси сóшникá, другио кóнн'oо дрил' нá питнајси сóшникá. Удзéди пудír дрýлувити и дíскити врýзáни бурóни дá буру-нýт пет штúки. Читýrmá дúши извóзвáт зrýну ут амбáру ф пулéту, дéту жá с'ájät. Ду т'ах тýрнáт идéнио чул'ák по"сефóм дéту утвичává зá тóо по"сéф, двá кóро"бá с вулóви и кунé.

Узýмкá йmá нá пéрвáтä бригáдá сто и сóрок шес չiktárá и пулвýná. Узýмкá жá бéди на чéтири пулéтä: шéсто"ту, вóс'-мо"ту, идинајситу и двáнајситу пулé. Фaф t'aа пулéтä сáроук и шес չiktárá и пулвýná. Чумýзá нá зrýну — прифéрмовскијo участо"к питнајси չiktárá. Сóнушник — сéдмо"ту пулé двáјси չiktárá. Тва плáнó сáстáвéн нá питиде"сéтátä гудýná.

(Записано у Касапова В. Н., 47 л.,
с. Гюневка, 1950 год).

Уфцéти сa нáхóждáт нá óфцифéрмáтä. Вéнкá нáпráин áгýл, дéту ги рáним дин'á. Нушт'a ги зáпíрáми фaф кáшáрátä и тýje сa нáхóждáт ц'alá нош ф кáшáра. Ги рáним трýмá уф-чáрä. Нушиt'a и ден ги вárди и тоj ц'alá нош ни спи, зáтýj штóту сa ágnät, óди с фáнáру ф кáшárátä и глéдá дá ни сa уágни н'áкуí уфцá. Пáк кáк сa уágни, уфчáру зýмá ágnitu и гу нбóси фaф кéшти и уфцáтä, гу о"сушáвá. Сúтрина пéрвно път им дáváми синb, фтóрио път' им дáváми сламa ичум'áна, трéтио път пúскáми дá побим в дирéту и им дáváми кислийк.

Сéтни чéрис читв'óтио път им дáдем слáмä п'áтио път, по-слéднио път им тýр'áми синó и тугíвá ги зáпíрáми ф кáшáра зá нуштá.

Виснáтä ги пúсним на т्रивá дä пácт. Ни ги пúскáми в инá сиурýјä сýчкити, ама рáзбýти на грýпи. Гул'áмити áгнитä — инá грýпä, поумálкити — друgä, и трéтити најмénин'ки пу нид'áлä. И ги пácем дурдé стбрát пу два м'áсицä и тугíвá избýрáми наѓул'áмити áгнитä и уdbýváми ут мајкити, и тугíвá ги лéчим т'ájnити мајки уddéл'nu и начинáváми дä ги дбим, дв'a нид'áли пу два пýт'a в динó [сýтрина] и вéчир. Сéтни ги дбим и на плáдн'a три пýт'a в динó. Дин'a ги пácе мумчé, а пак нуштá уфчáру.

Исинтä прáвát набéу вéлци. Кáту замéтиш чи идé вéлак, зéмиш дä криштýши или зáпалиш óгин.

(Записано у Згурыева Л. К., 70 л.,
с. Радоловка, 1950 год).

Е. В. ЧЕШКО

ИЗ ИТОГОВ ВТОРОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ В БОЛГАРСКИЕ СЕЛА
ИЗМАИЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ УССР,
ПРОВЕДЕННОЙ ЛЕТОМ 1949 ГОДА

Во время второй диалектологической экспедиции были обследованы говоры болгарских сел, расположенных в восточных и частично южных районах Измаильской области УССР (Арцизский, Татар-Бунарский, Саратский, Суворовский, Ренийский и частично Новоивановский).

Восточные районы Измаильской области были заселены болгарами позднее, чем западные и южные районы. Это поселения периода 1828—1832 гг., когда массовая иммиграция болгар в Россию шла из районов юго-восточной Болгарии (районы южнобалканских и восточнофракийских говоров).

В отличие от западных и южных районов Бессарабии, где поздние болгарские поселения перемежаются с более ранними, так наз. «туканскими», в восточных районах старых, «туканских» поселений почти нет. Обследование балканских говоров в восточной части Измаильской области показало, что они значительно отличаются от однотипных с ними говоров районов «туканских» поселений. Различия эти, видимо, объясняются возникновением новых языковых связей между говорами «беженаров» (новых поселенцев) и «туканцев» уже на территории Бессарабии.

По материалам первой диалектологической экспедиции были определены основные типы говоров и дана характеристика

стика языковых явлений, отличающих одни типы говоров от других¹.

Однако сведения о говорах были далеко не полными. Обследование сел с южнобалканскими говорами и ряда фракийских говоров восточных районов Бессарабии и за ее пределами дает возможность проверить и значительно дополнить наши выводы. Теперь мы можем рассмотреть вопрос об отношении разных типов говоров друг к другу, о связях между различными группами говоров и о происхождении этих связей.

Общность между различными говорами или группами говоров может быть двоякого происхождения: она может быть основана на древних связях этих говоров, существовавших еще на территории Болгарии, или может быть более позднего происхождения, возникнув уже здесь, на территории Бессарабии.

Возможность использования материала наших говоров для болгарской исторической диалектологии предполагает выделение черт исконных, принадлежащих к основному словарному фонду и грамматическому строю данного говора, принесенных его носителями из самой Болгарии, и черт, приобретенных уже в новых условиях. Карты нашего атласа в ряде случаев дают возможность даже без привлечения болгарских материалов судить о характере взаимной связи, существующей между различными группами бессарабских болгарских говоров; позволяют установить, например, что многие черты общности между «туканскими» (чийшийскими) говорами и балканскими говорами, расположенными в районах «туканских» поселений, имеют происхождение совсем иное, нежели связи тех же чийшийских говоров с фракийскими и фракийских с балканскими и шуменскими.

Уже при обработке материалов первой диалектологической

¹ См. Е. В. Чешко. Об итогах первой диалектологической экспедиции. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 232—241.

экспедиции среди говоров южнобалканского типа выделились говоры г. Болграда и прилегающих к нему сел: Кубея (166), Кайраклии II (17)¹, Болгарийки (18), Курчи (19), Каракурта (20), Вайсала (21а), Калинчака (58). В этих говорах наблюдались черты, отличающие их от говоров многих сел, расположенных к северу и востоку от Болграда: Комрата (5), Кирсова (6), Твардицы (8), Вале-Перже (9), Исерлии (10), Кирютии (13), Пандаклии (15).

Выделение болградской группы становится еще рельефней на фоне южнобалканских говоров, обнаруженных во многих болгарских селах во время второй диалектологической экспедиции 1949 г. Это села: Чумлен (32), Дюльмен (33), Купоран (34), Девлетагач (40), Боргудж (43), Делжилер (44), Александровка (45), Камчик (46), Гасан-Батыр (49), Голица (50), Кирнички (53). Несколько особое положение занимают говоры сел Главани (41) и Долукёя (56).

Яркие диалектные особенности, характерные для группы балканских говоров, чаще всего отсутствуют в говорах болградской группы. В области вокализма это прежде всего произношение *синб*, совпадающее с «туканским», в то время как в большинстве балканских говоров (13, 15, 32, 33, 34, 40, 41, 44, 45) — *санó*. Широко распространено в балканских говорах произношение *чил'ák*, *жил'áгу*, в отличие от *чул'ák*, *жул'áгу*, свойственного говорам других групп. В говорах болградской группы также говорят *чул'ák*, а в самом Болграде, кроме того, и *жул'áго*. В распространении этих черт наблюдается интересная закономерность: обычно [там, где сталкиваются два типа произношения (с лабиализацией *е* и без нее), в слове «человек» побеждает произношение с *у* — *чул'ák*, а в слове «железо» — произношение без лабиализации — *жил'áгу*.

Отмечено в Болграде и многих говорах болградской группы произношение *жииф*, тогда как типичным для других южнобалканских говоров является произношение *жуиф* — *жу-*

¹ Цифры в скобках означают номера населенных пунктов на картах атласа болгарских говоров СССР.

вёет, с лабиализацией и после щипящего. В безударном положении (*жувёет*) лабиализация отмечена и в «туканских» говорах.

Влияние «туканских» говоров на говоры болградской группы обнаруживается в произношении е под ударением в конце слов на месте старого ъ: *дубрё*, *двё*, *влё*; в этой позиции в южнобалканских говорах обычно находим произношение *дубр'á*, *дв'á*, *вл'á*.

Балканские говоры характеризуются различными изменениями в области консонантизма: произношение *фътри* (*фётр'a*) вм. *вътри* (9, 10, 16б, 32, 33, 34, 41, 44, 45, 46, 49, 50, 53, 55, 56, 58), *штýче* вм. *фтýче* и *птýче* (9, 10, 15, 16б, 32, 33, 34, 43, 44, 49), *чилá* вм. *пчилá* (5, 6, 9, 10, 13, 15, 16б, 17, 21а, 32, 33, 34, 40, 41, 43, 44, 46, 49, 50, 53), *ўбл* вм. *вóл* (2, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 17, 19, 21а, 30, 32, 33, 34, 40, 41, 43, 44, 46 и др.), *нохчи* вм. *ношчи* (4б, 6, 7а, 7б, 7г, 8, 9а, 9б, 10, 13, 34, 45, 46), *мéхиц* вм. *мéсец*, *ниe сни*, *вие сви* вм. *сми* и *сти*. Широко представлено в говорах этой группы явление ассимиляции групп согласных дн и бн (*пánна*, *глánна*, *дрéмни*) и некоторые другие особенности.

Эти черты балканских говоров часто отсутствуют в говорах болградской группы, где они вытесняются под воздействием «туканских» говоров.

Встречаются в отдельных говорах болградской группы и другие черты «туканских» говоров, например, произношение 1-го л. ед. ч. настоящего времени глаголов с окончанием ъ (*придъ*, *пиръ*) в говорах Болгарики (18), Курчи (19) и Каракурта (20).

Слова *герáн*, *галчá*, *тербíи* и многие другие, принадлежащие чийшийским говорам, широко известны в говорах болградской группы.

Чийшийские черты находим также в некоторых других говорах, не относящихся к болградской группе, но состоящих в контакте с чийшийскими говорами или смешанных в своей основе (например, говоры Нового Траяна, Кирничек, Долукёя, Задунаевки). Все балканские говоры в районах

«туканских» поселений отражают следы сильного «туканского» влияния в области лексики и фонетики.

Значительным было и обратное влияние — языка новых южнобалканских переселенцев на язык «туканского» населения. Достаточно сказать, что «туканский» говор Болграда утратил все наиболее характерные черты своего первоначального типа, хотя, вместе с тем, передал слivenскому говору, господствующему в Болграде, ряд своих характерных особенностей. Сливенский говор победил в Болгариеке, где значительную часть населения составляли переселенцы из «туканского» села Шоп-Тараклии.

Трудно сейчас решать вопрос о первоначальном составе населения в селах Курчи и Каракурте. Там отмечается больше «туканских» черт, чем в говорах Болграда, хотя сейчас эти говоры с большим основанием можно отнести к типу балканских, чем «туканских» говоров.

Влияние болградского говора сказалось на языке «туканских» сел Импуциты, Таш-Бунара и Бановки, куда, после ухода части старого населения в Таврию, переселились болградцы.

Таким образом, многие черты общности чийшийских и балканских говоров, находящихся в непосредственном контакте, являются результатом их взаимного влияния и смешения уже на территории Бессарабии.

Принципиально иным оказывается характер связей чийшийских говоров с фракийскими. Это обнаруживают карты нашего атласа, показывающие, что села с фракийскими говорами не находятся, как правило, в непосредственном контакте с населением, говорящим на чийшийских говорах.

Характерным для всех чийшийских говоров является произношение *жётва*, *шёпа*, *шётам*. Ни в одном из балканских говоров (за исключением смешанного новотроянского) это явление не зафиксировано: там говорят *жётва*, *шёпа*, *шётам*. Большинству фракийских говоров также свойственно это произношение. Однако в некоторых фракийских селах встречается произношение этих слов с ъ, например в Суворове (Шикири-

Китае) — *жáтва, шáпа, шáтам*. Это подтверждается также говорами переселенцев из Суворова в Приазовье, живущими в селе Софьевке, говорами Кот-Китая и Лощиновки. Из этих сел только в Лощиновке могло быть влияние «чийшийцев».

Для тех же говоров Суворова, Кот-Китая и Лощиновки, а также говора Сели-Оглу характерна частица будущего времени *жá*, являющаяся одной из типичных черт чийшийских говоров.

Широкое распространение имеет во фракийских говорах форма указательного местоимения *тóо, тáа* и *т'áа*, свойственная также всем чийшийским говорам в противоположность балканской форме *тоз, тъз (тáзи), тез*.

Формы *жá* и *тóо* встречаются иногда в балканских говорах, но, как правило, не являются там исконными, а занесены в эти говоры фракийским или чийшийским населением. Характерно, что частица *жá* встречается в этих говорах только наряду с *шá*. Это мы наблюдаем в говорах Вале-Перже (9а), Исерлии (10), Нового Траяна (12), Калинчака (46), Голицы (50), Кирничек (53), Долукёя (56). В ряде сел форма *тóо* также встречается наряду с формой *тоз*: Болгарийка (18), Девлет-Агач (40), Делжилер (44), Камчик (46), Голица (50), Кирнички (53), Калинчак (58).

В некоторых смешанных говорах (в Новом Траяне, Новиановке и Долукёе) форма *тóо* является единственной (форма *тоз* не употребляется). Во всех этих говорах наблюдаются и другие черты фракийского и чийшийского происхождения. Форма *тоз* отсутствует также в говоре села Главани (41), представляющем тип северобалканских говоров.

Характерной чертой чийшийских говоров является утрата начального *х* (*ўбаф, óра, óдиш, аре́свам* и т. п.), а также выпадение интервокального *х* (*снаá, дреи, муйá, б'ба* и т. п.). Эти явления широко известны во фракийских говорах. Исключение составляет говор села Кулевчи, где *х* во всех положениях последовательно сохраняется.

Многие из явлений, общих чийшийским и болградским говорам, типичны также и для фракийских (произношение

вол, синб, жииф и др.). Однако во фракийских говорах черты эти являются исконными, в то время как в болградские говоры они проникли под влиянием чийшийских.

Характеристика фракийских говоров далеко не исчерпывается указанием на их общность с чийшийскими говорами. Фракийские говоры имеют черты, отличные от чийшийских и общие с балканскими и другими типами говоров. Важнейшие из этих черт: произношение *нош* в противоположность чийшийскому *нъш*; окончание *а* под ударением в именах существительных женского рода и в глаголах 1-го л. ед. ч. настоящего времени: *главá, будá* и *перá, предá*. Широко известно во фракийских говорах произношение *ниe сni, вie сvi* — типичная черта балканских говоров. Особенно много общего между фракийскими и балканскими говорами в области лексики: *чúтора, клáденец старнý, тасмá* и др.

Вместе с тем фракийские говоры имеют ряд особенностей, отличающих их и от чийшийских и от балканских говоров. Это юговосточный тип произношения ъ, общий у этих говоров с шуменскими (чушмелийскими) и восточнородопским — сатуновским говором. Ударение на первом слоге в формах повелительного наклонения (*вéми, тýри, напravi,*) а в некоторых говорах — и в формах мн. ч. (*нáправити, тýрити*). Эта черта, кроме фракийских говоров, отмечена была в восточнородопском говоре Сатунова (60).

В большинстве фракийских говоров встречается окончание и в формах мн. ч. причастий на л: *душилý, билý*. В других типах говоров под ударением будет е: *душилé, билé* (формы *душилý, билý* также отмечены в сатуновском говоре).

Только во фракийских говорах употребляется форма *бíх, бýше*, наряду с *б'áх*, известной всем другим говорам.

Для многих фракийских говоров характерно произношение *идéн*, встречающееся, кроме этих говоров, только в одном говоре не фракийского типа — говоре Долукёя.

Большинство фракийских говоров принадлежит к о-диалекту. Членную форму м. р.— ъ (*кракó, синé*) находим только

в двух фракийских селах — Кот-Китае и Лощиновке, причем в Лощиновке эта форма заимствована.

Членная форма о-диалекта, так же как южный тип произношения ъ, роднит фракийские говоры с шуменскими. Эта форма встречается, кроме того, в некоторых балканских говорах (Кирсово — 6, Задунаевка — 30, Купоран — 34, Бургудж — 43; менее последовательно — в смешанном говоре Новоивановки — 11).

Фракийские говоры имеют некоторые лексические особенности: *штёрка* (дочь), *дудал'а* (шелковица), *прижиглб* (ручка ведра), *джесубрёнки* (шкварки), *пашмёл* (кокон шелковичного червя), *разбóї* (ткацкий станок), *лáина* (капуста) и другие.

Не подлежит сомнению, что подавляющее большинство рассмотренных нами явлений, обнаруживающих общность фракийских говоров с чийшийскими, шуменскими и восточно-родопским, являются исконными чертами данной группы говоров. Это заключение можно сделать без обращения к материалам болгарской диалектологии, только на основании данных нашего атласа, так как фракийские говоры не образуют компактной группы сел, как, например, балканские, разобщены между собой и находятся в различном языковом окружении.

Т. В. ШВЕЦОВА

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ
СССР**

СЛОВАРЬ ГОВОРА СЕЛА ТВАРДИЦЫ

Печатание «Материалов для словаря болгарских говоров СССР» мы начинаем с говора села Твардицы Чадырлунгского района Молдавской ССР.

Составленный на основании этнографического описания материальной культуры села Твардицы, этот материал ограничен пределами бытовой и частично производственной лексики старого болгарского пласта говора твардичан. Причем и здесь автор ограничил себя выбором лишь одной, правда, весьма значительной, категории слов — имен существительных. Вся современная общественно-политическая, научно-культурная и производственная лексика в говоре твардичан заимствована из русского языка. Поэтому в данном словаре она не приводится.

Болгарский словарник печатается в основном орфографически. Словарь не отражает изменений безударных гласных. Мягкость согласных отмечается лишь перед согласными (знаком ') и перед гласным о (знаком ь). Звуки а, у после мягких согласных передаются посредством букв я, ю. Перед гласными е, и мягкость не обозначается.

Имена существительные даются в словаре или в форме единственного числа или в форме множественного числа, в зависимости от употребительности той или иной формы.

А б á — 1) женская стеганая кофта; 2) телогрейка
á б ё л к а — 1) яблоко; 2) яблоня
á б ё л к и (мн.) — деревянные украшения спинки кровати
á г н е — ягненок
á г р о с — сорт винограда
а л ё й — растительное масло
а л ё й н и ц а — маслобойка
а л т ъ н и (только мн.) — 1) старинные монеты; 2) женские украшения из таких монет
а м á, а м ї ч к а — заплата
а р м а г á н — подарок
а р н а ý т — сорт пшеницы
а р п а ж ъ к — мелкий семенной лук
а р ъ ш — дышло
а с т á р — подкладка у стеганого одеяла
а с ъ р — цыновка

Б а й р á к — свадебный флаг
б а к ъ р — 1) медь; 2) медная посуда
б а к ъ р и ц а — лавка или вешалка для ведер
б а л к á н — гора
б á н т а — бант
б а р а б á н — старое сельскохозяйственное орудие для сеяния кукурузы
б а р á ш к а — специальная кожа для украшения женской верхней одежды
б а р ý с — 1) тип набивной материи; 2) платок из этой материи
б а р ó т — порох
б á р х у т — бархат
б а с а м á к — каменная ступенька
б á с к а — женская верхняя кофта
б а с к ý н — женская верхняя кофта

б а с м á — набивная ткань
б а х ч á — бахча
б а ш л ý к — капюшон
б é й к а — (детск.) овца
б е ч — погреб
б и д э н — кожаная безрукавка
б и л ю к — 1) стадо; 2) стопка (книг, тетрадей)
б и т е л ц е — кирка
б и ч к ý я — плотничья пила
б л á н е — овчинная подкладка верхней зимней одежды
б л á н к а — деревянная перекладина, скрепляющая доски двери
б о б — фасоль
б ó б е ц — фасольная шелуха
б ó н д у р — специальная игла, которой девушки закалывают платки
б о р ч — лепешки из кислого теста для подкваски борща
б о с т á н — огород
б о т ý ш — сапоги
б о х ч á — специальная скатерть или платок, в котором на праздники носят угощения
б р а ш н ó — мука
б р е н á — деревянная борона
б р ý н к а — кожаный шнурок у лаптей
б р и п ъ н к а — красная тесемка, которой украшается кожаная женская безрукавка
б у з á — хлебный квас
б у к á н ш и (мн.) — мужские ботинки из грубой кожи
б у л г ý р — крупа из пшеницы
б у м б á к — ватная прокладка между двойными рамами окна
б у р д é й — землянка, в которой летом хранятся сельскохозяйственные орудия

- б ў р е** — бочонок; **б ў р е ж е л я з-** и о — железный бочонок
б ў р к а — плащ
б у т á л к а — пахталка!
б у х á л к а — валек для белья
б ъ к л и ц а — деревянная баклажка для вина
б ъ р д о — бердо, часть ткацкого станка
б ъ р д ў к — глиняный сосуд с узким горлышком
б ъ р к á л к а — деревянная палка, которой мешают корм для лошадей
б ъ ч в а — бочка
- В á л е н к и** (мн.) — 1) толстые шерстяные носки; 2) бурки
в а п с и л к а — краска
в а т а л — деталь ткацкого станка
в е д р ý ц а — подойник
в ё з а н к а — косынка
в е р г ý я — налог
в е с — весы
в ё с т н и к — газета
в ё я л к а — веялка
в и л а — вилы
в и р ý г а — старинное, вышедшее из употребления приспособление, состоящее из цепи и крючка, на котором подвешивалась пища над огнем
в и с т б и — мужская праздничная блуза
в и т р и о н — жидкость, которой пользуются при крашении ткани для закрепления красок
в л á ч и к а — мастерская для чески шерсти
в р á н а — отверстие в бочке для вливания жидкости
в р á т н и к — односторончатые ворота надворных построек
- в р а т и й к** — белый кружевной воротник, которым украшают невесту
в р а ч к á — 1) калитка; 2) дверка печки
в р е з á л о — остаток пряжи после тканья
в р и т е н á л н и к — специальная скоба для веретен
в р и т é н о — 1) веретено; 2) деревянная ось, на которую надевают жернов (часть ветряной мельницы)
в ъ ж е — веревка
в ъ з г л á в и и ц а — соломенная подушка
в ъ л и а — овечья шерсть
в ъ р т ё ш к и — приспособление для разматывания пряжи
в ъ р ш á в к а — орудие для обмолота зерна
- Г а в á н ч е** — деревянная миска
г á г а — 1) крючок; 2) крючок вязальный
г á г и (мн.) — вязальные спицы
г á г е р — багор (для сена)
г а и т á н — вышитая строчка, украшающая суконные женские туфли
г а л á н — петух голландской породы
г а л á н к а — курица голландской породы
г а л ó с н и к — галстук
г á р ц а — мера сыпучих веществ (около 2 кг)
г á ш т и (только мн.) — брюки
г в о з д é й — гвоздь
г е р á н — колодец
г е р г ъ б х — прошва
г е р д á н — ожерелье из бисера

г е р м и ч к а — деревянная перекладина, скрепляющая доски стола
 г и з л е м и́ (мн.) — пирожки с сыром
 г и а л ю́к — детский передник
 г л а в и н а — стуница (колеса)
 г л а д и́ч — точильный бруск
 г л ё б л я — оглобля
 г и й л а — глина
 г р а д и́на — сад
 г р а д и́н к а — палисадник
 г р а м а́д а — большая куча
 г р а х — горох
 г р е б е ш к а — гребенка
 г р е б л ё — гребло (для уборки зерна)
 г р е д а — балка
 г р е з д е́й — кран в бочке
 г р ý м и н а — 1) браслет; 2) железное кольцо, надеваемое на ступицу
 г у б ё р к а — большая игла
 г ў л е р — воротник
 г ў ш к и (мн.) — голубцы
 г ъ р л и́ч — землянка
 г ъ з у м — мята

Д а р á к — гребень для чески шерсти
 д а р á ч к а — машинка для очистки подсолнуха от шелухи
 д ё л в а — глиняный кувшин для вина
 д е м и я — домотканная шерстяная материя
 д е р ё к — столб
 д и б ё к — пресс для выжимки подсолнечного масла
 д и к а н я — орудие для обмолота зерна
 д и н г ё л — ось
 д ё н я — арбуз
 д и п л а — складка (у платья)
 д и с а́ги — переметная сумка

д ё ч к а — дикая ветка (винограда)
 д и ш — железный кол у бороны
 д л е т ё б — стамеска
 д о б ёт ёк — скот
 д о л а м а — мужской короткий кафтан из грубой материи
 д о л а п — шкаф
 д р ёмни́ч к о — небольшой хлебец
 д р ёх и (мн.) — одежда
 д р ёб и н и (мн.) — род мясной пищи
 д р ёж д и (мн.) — 1) дрожжи; 2) винные дрожжи
 д р ём ба — музыкальный инструмент
 д у б а л о — специально приготовленная жидкость для дубления кожи
 д у в а́р — каменная стена; це-
 ментува́н и д у в а́р — сце-
 ментованная стена
 д у х а́л о — раздувальный (кузничный) мех
 д у ш л и́к, д у ш н и́к — глиняная вьюшка
 д ъ р в е н — деревянный; д ъ р в е н
 б о р ёч — деревянное скрепление ящика телеги; д ъ р в е н
 п л у г — деревянный плуг (старое сельскохозяйственное орудие)
 д ъ р м б и н — решето для провеивания зерна после молотьбы
 д ъ с к а — 1) доска; 2) сельскохозяйственное орудие, которым выравнивают пашню после вспашки
 д ю ш ё к — матрац
 д ю ш е м ё — дно телеги

Е д и н а́р ник — однолемешный плуг
 ё м и ш — лемех
 е н т е р ёй к а — женская одежда

е н т е р й я — мужской кафтан
е р é к — кол
б р и на — мелкая плохая шерсть
е р м á — пойло для поросят
е с б н ч е — осенний цыпленок
е х н й я — кушанье, приготовленное из мяса с перцем и другими приправами

Ж а м — окно
ж а р б в н и к — жаровня
ж и г ъ л — железные прутья в ярме
ж и т о — жито
ж и ч к а — нитка
ж у в á к — ртуть
ж у р ý л и н и к — чашка для растирания фасоли

з а д ъ л ж н и к — должник
з а й бер — сорт винограда
з а к а ч á л к а — вешалка
з а н а д р ó к л и т е — палка, на которую вешают платье
з á н и к — задник (у обуви)
з á п а р т а к — болтун (испорченное яйцо)
з а п а я л и и к — паяльник
з а р а з á л и я — 1) абрикосовое дерево; 2) абрикос
з а т ý л к а — пробка
з á х а р — сахар
з а х е р ý — корм для овец
з а х л ý к а — деревянная крышка, которой покрывают молочные горшки
з б á н ц а — деталь колеса
з в í з к а — двухгодовая овца
з в и з ó к — двухгодовалый баран
з в ъ н é ц — 1) звонок; 2) колокол
з ф л е — капуста
з ём ск о — сорт пшеницы
з е м ý — 1) земля; 2) земляной пол
з е х ý р — яд
з и м б и л'д ё к — задвижка (у двери)

з ý м н и ц а — озимый хлеб
з и н г ý я — стремя
з о б — корм для скота
з у б а л á (мн.) — удила
з ъ м б а — штамп для прорезания в коже отверстий

И б р ý к — 1) глиняный сосуд для воды; 2) железная кружка с длинной ручкой
и в и ц а — домотканый будничный женский пояс
и г л á — игла
и з б и в á л о — деревянный валек, применяемый для покрытия крыш камышом
и з м ó л ч е — двухгодовалый бык
и м ý ш — фрукты
и р м ý я — винегрет из кислых овощей
и ч у м ý к — ячмень
и ш у м ý к — творог

Й о р н é к — образец

К а б а ч к á — кабачок (растение)
к а в á л — дудка (музыкальный инструмент)
к а в а р м á — кушанье из жареного мяса
к á д у с — конусообразная кадушкина
к а з á н — 1) чугун; 2) котел
к а й м á к — сметана
к а л а б а д á н — канитель (женское украшение)
к а л а ж ý я — лудильщик
к а л á й — 1) олово; 2) станиловая бумага
к а л б á с — колбаса
к а л д ъ р ý м — каменный настил перед домом

к а л ё в р и (мн.) — род кустарной кожаной обуви
 к а л ё м — привой (садоводческий термин)
 к а л и с т р а — сосуд, вмещающий 20 кг
 к а л т ъ р м и (только мн.) — вожжи
 к а л ц ў н и (мн.) — чулки
 к а л ч ђ ш т а — 1) конопляная пряжа; 2) холст
 к а м ъ к — 1) камень; 2) жернов
 к а м ъ х ч е — душистая приправа для кулича
 к а н т ј р — безмен
 к а п ј к — посудная крышка;
     2) ставни; 3) заслон
 к а п ј н — капкан
 к а р п и н к а — цветная тесемка, которая нашивается на кожаную женскую безрукавку для украшения
 к а р т ќ х — картофель;   к а р т ќ х е н о б р а ш и ѡ — крахмал
 к а т м и (мн.) — пирожки из кислого теста
 к а т р ј н — деготь
 к а ў ш —sovок
 к а ф є з — клетка
 к а щ к а — кадушка
 к а щ є л — капюшон
 к в а с — 1) квас; 2) подкваска
 к в а с н ѕ к — хлеб из кислого теста
 к в ј ч к а — наседка
 к е б ј б — жареное мясо
 к е л е м ј — пашия, оставленная под паром
 к е м ё н т — аркан
 к е н ѕ р и (мн.) — полоски на набивной ткани
 к е н т — боковая сторона окон, двери
 к е р е м ѕ д а — черепица
 к е х ли б ј р — янтарь

к и б р ї т — спички
 к и л ј м — ковер
 к и л ј я — застывший сок на деревьях
 к и л ' п и д ј н — щипцы
 к и м є р (к ю м є р) — дымоход
 к и н г и (мн.) — поперечные планки, поддерживающие стропила
 к и р п ђ ч — земляной кирпич
 к и с е л ц и (мн.) — дикие груши
 к и с к ѕ (мн.) — тормоза (у ветряной мельницы)
 к ђ т к а — 1) украшение; 2) женское украшение из серебряных пластинок, которое надевается на голову поверх платка
 к ђ ч е р — старинное женское украшение в виде брошки, прикалываемой к головному платку
 к л ј н е — музыкальный инструмент
 к л њ м ј — деталь телеги
 к л є ш т и (мн.) — клещи; к л є ш т и к у з н є ч н и — кузнецкие клещи
 к л и н — 1) железный клин для размельчения камня; 2) клин у одежды
 к л ј ч ё л н и ц а — деревянная задвижка (у двери)
 к л ј м п а — часть дверной задвижки
 к и н г а — 1) книга; 2) бумага
 к о б ј л а — кобыла
 к о б ј л и е — 1) коромысло; 2) часть колодезного журавля
 к б в а л и я,   к б в а н ц а — наковальня
 к о ж є л — кожух
 к о з ѕ — коза
 к о л ј а — телега для перевозки соломы, сена
 к о л ј н — женский пояс
 к о л ј н ч е — хлястик

- к о л е л о — колесо
 к о л и б а — шалаш
 к о м а т — кусок хлеба
 к о н — конь
 к о н а к — квартира
 к о н е ц — нитка для шитья
 к о н ч е — жеребенок
 к о н ч е н ц е — деревянное украшение, которым завершается крыша
 к о н ч у в а — паголенок (чулка)
 к о п а н я — корыто (стиральное)
 к о п р и н а — шелк
 к о п ч е — пуговица; г á г е в и
 к о п л ч е т а — крючки одежные
 к о п ъ р — укроп
 к о р á б — корыто для перевозки винограда с поля
 к о с о п л ý т к а — лента, вплетаемая в косы
 к о с т ý р а — перочинный нож
 к о б х а — 1) ведро для воды; 2) бадья; 3) специальное ведро для поливки сада
 к о ч — баран
 к о ч и н е — свинарник
 к о ш — 1) корзина; 2) часть виноградного пресса; 3) бункер (часть ветряной мельницы)
 к о ш á р а — овчарник
 к о ш ý ц а — деревянный кувшин
 к о ш ó л к а — кошолка
 к р а в á й — 1) каравай; 2) сруб у колодца
 к р а в á й ч е — праздничный хлебец; 2) бублик
 к р а к — 1) нога; 2) спица у колеса
 к р á с т а в е ц — огурец
 к р а т ý н а — 1) тыква-травянка; 2) сосуд из нее
 к р á ч у л и (мн.) — штаны
 к р е в á т — кровать
 к р é м ъ к — кремень
- к р и в ý ц а — топорик
 к р óй к а — плотничий инструмент
 к р у с и б — часть ткацкого станка
 к р ý ч а — деталь телеги
 к р ý ш а — груша
 к р ý ш к а — жестяная кружка
 к р ý с т — 1) крест; 2) деньги, которые дарили невесте на свадьбе все присутствующие
 к р ý ч м á — винная лавка
 к р ý ш т ó в и ш т е — верхняя часть мотовилки (см.)
 к р я н — душистая приправа для кулича
 к ú к л и ч к а — праздничный хлебец особой формы
 к у к ý д а — кушанье, приготовляемое из капусты и пшенца
 к у л к ý ш — цолог (у кровати)
 к у м ý н — труба печная
 к у н л á к — 1) приклад; 2) прицеп (в упряжке)
 к у р б á н — вареное мясо без приправ
 к у р ј и л о — камфорка у плиты
 к у р ý я — кустарник
 к ý р н и к — курятник
 к у с ý л к а — косилка
 к у т л ó н — очаг, приделываемый к каменной стенке во дворе для приготовления пищи летом
 к у х á р — замок
 к у х ý я — ямка для посадки саженцев
 к ý ш к а — кормушка для цыплят
 к ъ д é л к а — куделя
 к ъ ж е л — 1) кононцкая кудель; 2) верхняя часть прялки
 к ъ р — поле
 к ъ р к — деревянная кухонная лопата
 к ъ р л ý г а — багор (для ловли овец)

кърмавица — домашняя колбаса (начиненная кашей)

кърпа — платок

късиак — 1) обод сита; 2) стеки мучного ларя у ветряной мельницы

къшней — кусок вареного мяса

къшта — 1) дом; 2) комната

кюмбр — см. **кимбр**

кюп — кубышкообразный горшок для соления овощей

кюпчак — ковш

курок — овчинная шуба

курче — женская верхняя одежда (ныне вышедшая из употребления)

лавица — лавка, скамейка

лавишиник — кусок материи, которым покрываются лавки или который вешается над лавкой

ластуна — сухие стебли кукурузы

лати (мн.) — деревянные доски, на которые кладется черепища

лахан, **лаханка** — лохань

лэйка — 1) воронка; 2) виноградная воронка (деревянное ведро с отверстием в дне)

лэка — гнет; тяжесть, накладываемая на что-нибудь для выжимания, выдавливания

лека — лыко

лен — лён

лесицы (мн.) — часть телеги

лётка — веретено мотальной машины

лэфове (мн.) — 1) старинные монеты; 2) украшение из этих монет

лэшта — чечевица

либин — стиральный таз

лос — лом (орудие)

лулá — трубка (для табака)

лупацйка — деревянное скрепление в ярме

лъжца — 1) ложка; 2) миска с ручкой; **лъжца за пържене къшней** — специальная ложка, которой мешают мясо при варке; **лъжца от тенекя** — совок

лъжичник — ящик для ложек

Магазия — рига

магарета — стропила

маза — кладовая

макара — катушка

макарина — лапшевник с брызгой

макуха — жмых

малай — кукурузный хлеб

мамалыга — кукуруза

мандало — железная заплечка у надворных построек

мантава — плащ

маса — стол

маска — 1) мазь; 2) машинная масленка

масло — масло (коровье)

масур — ствол ружья

махлá — район села

мезя — закуска

мэнгима — виноградные тиски

мендилка — тряпка, которой вытирают посуду

мержени (мн.) — 1) бусы из коралла; 2) подделка под коралл

месал — холстина, которой покрывается квашня

мёсенце — хлеб, замешанный с брызгой

микчета — пирожки из пресного теста

милана — пирог с брызгой

- м и р и з м и** (мн.) — пахучие приправы к пище
- м и ш ё н и** (только мн.) — штаны из овчины
- м и ш ё н к а** — тонкая черная кожа для украшения праздничной меховой одежды
- м л э к о** — молоко; к ђ с е л о м л э к о — кислое молоко
- м о р к у л и** (мн.) — морковь
- м о с т** — мост
- м о т ё к а** — мотыга
- м о т о в ї л к а** — деревянная рогатка для разматывания пряжи
- м р ё ж а** — сеть
- м у ж д и н а к** — деталь ткацкого станка
- м ў р о ё д р о** — сорт винограда
- м у ш а м ј** — клеенка
- м ѿ р д ѡ** — пахучая трава, употребляемая как приправа к пище
- м ј р к а** — мерка
- Н ј б е р и** (мн.) — сборки
- н ј в у и** (мн.) — шерстяные обмотки
- н ј п р ъ с н и к** — наперсток
- н ј п у х и** (мн.) — буфы на рукавах
- н ё р е з** — боров
- н о ж ё ч к а** — кожаный шнурок
- н о ш т у в ј** — корыто, в котором замешивают тесто
- О б е с ё л н и к** — глиняный сосуд с ручкой, в котором носят воду в поле
- о б ё д а** — деревянный обод колеса, на который набивается шина
- о б и ц и** (мн.) — серьги
- б б р ъ ч** — 1) обруч; 2) железная обивка на яслях
- о в ё с** — овес
- о г л е д ё л о** — зеркало
- о г н ё л о** — огниво
- о г н ё ш т е** — под в печи
- о г р и б ё ч** — кочерга
- о г р ъ б к а** — железная скрепа для мучного корыта
- б д ъ р** — 1) низкие глиняные палаты в доме; 2) основание; д ъ р в е н
- б д ъ р** — деревянные палаты
- б д ъ р ч е** — 1) глиняная завалинка вокруг дома; 2) глиняная ножка лавки
- о к ј** — 1) литровая посуда; 2) стеклянный графин, вмещающий литр
- о ц ё т** — уксус
- о ч ё л ' к и** — (только мн.) — очки
- П а д ё ш к а** — 1) подушка из первев; 2) часть телеги; п а д ё ш ч и ц а з а ѹ г л и — игольная подушка
- п а з а р** — базар
- п а з л а м ј** — лепешка из кислого теста
- п а л а с н и к** — бумажник
- п а л д ъ м** — шлея
- п а л ё т и** (мн.) — нашивки на рукавах женской кофты (на месте манжет)
- п а м ё к** — вата
- п а н и ц а** — 1) тарелка; 2) блюдо;
- п а ли р ё в а н а** п а н и ц а — эмалированное блюдо
- п а п р ъ ц а** — ось в ветряной мельнице, приводящая в движение жернов
- п а п ё р** — кукуруза
- п а р а л и я** — 1) летняя фетровая мужская шляпа; 2) абажур
- п а р а л ѹ** — низкий круглый обеденный стол
- п а р ъ ц а л** — 1) тряпка; 2) половик
- п а с м ј** — моток шерстяной пряжи

пáстí (мн.) — мелкие застроченные складки у женской одежды
 пастробники (мн.) — постремки (часть сбруи)
 патерига — 1) клюшка; 2) костыль
 патыйя — вышитый подол женской рубашки
 пáтка — гусыня
 пáтки (мн.) — жареная кукуруза
 патлажáн син — баклажан;
 патлажáн алеи — помидор
 патбк — гусь
 пахár — большая глиняная миска
 перáлинк — специальный котел для варки *курбáна* (см.)
 пергéл — циркуль
 пердя — занавеска
 перá (мн.) — крылья мельницы
 перб — 1) перо (птичье); 2) украшение невесты
 перустя — таган
 перушýна — перья (для подушек)
 перцé — бумажный цветок для украшения
 перчáн — незаплетенный конец косы
 пéтал — подкова
 петéл — петух
 петéлка — петелька
 пéченó — жареное мясо
 пешкýр — 1) полотенце; 2) вышитое полотенце для украшения зеркала
 пизюл — углубление в каменной или глиняной стене
 пилá — напильник
 пíле — цыпленок
 пипéр — перец; пипéр алеи, пипéр желт — различные сорта перца
 пискюл — ёжичка

пítка — 1) лепешка; 2) пряник
 питмбс — виноградный сироп
 пиch — отросток (у растений)
 пláстовица — сноп
 плátно — полотно
 плачíнки (мн.) — пирожки с яйцами
 пléвник — сарай для соломы
 пlet — плетень
 плоскáче — плоский сосуд
 пльсты (мн.) — войлочная подкладка у хомута
 побáрка — поварёшка
 подбрáник — часть уздечки
 подлákътик — подоконник
 подлóга — стуния у чулка
 подплáтка — подшивка у одежды
 подпор — подпорка
 подпърдáлка — скалка
 покрýва — кровля
 пол — деревянный пол
 полá — пола
 блáк — куриное гнездо
 поливáлик — лейка
 полýца — полка
 половéчка — полулитровый соуд
 полóвник — разливательная ложка
 попáра — тюря из хлеба и сыра
 портакáл — 1) апельсиновое дерево; 2) апельсин
 прóти (мн.) — двухстворчатые ворота, выходящие на улицу
 похлýпка — деревянная крышка для молочных горшков
 побюв — пеленка
 побяс — красный мужской кушак
 прaг — порог
 прáхан — фитиль
 прéждá — пряжа
 прéждýл'ки (мн.) — завязки фартука

- п р е с н á к — пресное молоко
 п р е с т ý л к а — фартук
 п р и в и з л ó — ручка ведра
 п р и б м к а — носок у чулка
 п р и м — меховая отделка верхней
     одежды
 п р ý с п а — 1) глиняная скамейка
     возле стены дома; 2) открытая
     терраска
 п р ó б ó й — пробой (плотн.)
 п р о с ó — просо
 п р о т á ч е — редкое сито
 п р ý ж к а — пряжка
 п р ý с у л — закваска для брызны
 п ú к а н ц и (мн.) — вареная куку-
     руза
 п ú н г а — кожаный кошелек
 п у х т á — бляшка
 п ú ш к а — ружье
 п ý п и ш — дыня
 п ý п р ý т о р а — подруга
 п ъ р ч — козел
- Р á к л а — сундук
 п р á н о с п é й к а — скороспелка
 п р а т — холм
 п р é з á — петля (дверная или окон-
     ная)
 п б é з е н — кусок (сыра)
 п р е з ý н и (мн.) — ботинки на рези-
     новой подметке
 п р е м ó н и я — губная гармоника
 п р é м ý к — ремень
 п р е с n ý (мн.) — бахрома
 п р ý б н и к — пирог с рыбой
 п р и н д ý — рубанок
 п р ý т л и (мн.) — борта телеги колы
     (см.)
 п р ó к л я — платье
 п р ý б а — одежда
 п р у б á ш к а — мужская верхняя
     рубашка
 п р у к á в — струг
- р ъ ж — рожь
 р ъ ж е л — гребень для чесания
     конопли
 р ъ ж е н — кочерга
 р ъ ч á л к а — рукоятка мотального
     колеса
 р ъ ш é т о — решето
 п р ý п а — репа; м'ë с я ч н а р ý п а —
     редиска
- С á б и ц а — деталь ткацкого стан-
     ка
 с а л а т ý р а — болотистое место
 с а л т а м á р к а — мужская пару-
     синовая тужурка
 с а м а л д á р — пахучая трава,
     употребляемая как приправа
     в пищу
 с а м ý н — каравай
 с а н д ý к — 1) сундук; 2) гроб
 с а п ý н — мыло
 с а п ý н к а — мыльная пенка
 с а х á т — часы
 с а ч — сковорода
 с а ѿ — конюшня
 с в ý р к а — свирель
 с е д ý н к а — посиделка
 с е к á ч — железный клин (плотн.)
 с е п ý я — состав для дубления
     кожи
 с е р é н — часть колодезного жу-
     равля
 с и н ј и р — цепь
 с и н и ч к а — копировальная бума-
     га
 с и н б р — межа
 с и н ц ý (мн.) — бусы
 с ý р е н е — брызна
 с ý р м а — канитель (украшение)
 с и р м ý — железный засов у на-
     дворных построек
 с и р ý я — плата за постой
 с к о б — скоба дверная

скрипций (мн.) — часть ткацкого станка
 скр́та — скирд
 слйва — слива; гулдáни слйви — сорта слив
 слйчува — подсолнух
 смокини (мн.) — смоква
 сновилка — сновалка
 сноп — сноп
 сол — соль
 солница — солонка
 сорваки (только мн.) — новый год
 спартбска — твердый материал для корсажа
 спина: спина на синжир — крючок (для бады)
 средел — бурав
 стамблки (мн.) — сорт слив
 станбк — основание чего-либо; станбк на лампа — железная подвеска для лампы
 стена — стена
 стйва — стона (одеял, матрацев, подушек)
 стйца — 1) квасцы; 2) нафталин
 стбвна — большой глиняный сосуд для воды с двумя ушками
 стол — 1) стул; 2) лавка со спинкой; 3) часть телеги
 стдолче — низкая маленькая скамейка
 стржница — стамеска
 струника — сито
 стряха — стреха
 стъги (мн.) — деревянные скрепления досок, сельскохозяйственных орудий и т. д.
 стъпинка — стремянка
 стъргало — скоба для чистки обуви

стърчышка — продольная деревянная ось телеги
 сувак — специальная игла для кожаной обуви
 сувалка — челнок (в швейной машине)
 суват — пруд
 сукмáн — юбка из домотканной материи
 сурат — лицевая сторона материи, платья
 сурватка — 1) сыворотка;
     2) пахтанье
 сухички (мн.) — пресное сдобное домашнее печенье
 сушах — сушеные фрукты
 съд — посуда
 сълба — лестница
 сърп — серп
 Табан — 1) подошва; 2) колодка для обуви
 табани — полозья
 тава — форма для хлеба
 таван — 1) потолок; 2) чердак
 талига — телега
 таличка — тачка
 тантёла — кружево
 тарабан — барабан
 тарипан — серп для камыша
 теличка — телка
 темёл — фундамент колодца
 тенжера — кастрюля
 теплица — теплица
 теслá — тесак
 тиган — чугунная сковородка с ручкой
 тигбл — машинная строчка
 тизек — 1) подсолнечный жмых;
     2) кизяк
 тиквеник — пирог с тыквой
 тикирт — сера
 тиникя — 1) жесть; 2) провод

- т и т и р ы ц и** (мн.) — блестящая отделка фартука из металлических чешуек
т о п — гирия (часовая)
т о п к а — конфета
т о р б ы ч к а — сумка (из материи)
т о ч ы л к а — скалка
т о ч ы л о — точило
т р а й н и к — трехлемешный плуг
т р и б ы н — ножовка (плотн.)
т р и х а н ц и (мн.) — галушки
т р ы ц и (только мн.) — отруби
т р о х ы (мн.) — крошки
т у к м ы к — киянка (плотн.)
т ў л и (мн.) — обожженный кирпич
т у л ы м — род верхней кожаной мужской одежды
т у р ы ч к а — моток бумажных или шелковых ниток
т у р ы ш я — винегрет из кислых овощей
т ъ р л а — летний загон для овец
т ъ р м ы к — грабли; **к о н с к и**
т ъ р м ы к — конные грабли
т ъ р н о к ы п — кирка
т ю т ю в ы — струна
т ю т ю н — табак
- У а л а** — большая эмалированная кружка
у г а р — пашня
у к р е п а л к а — деталь ткацкого станка
у л ' к а — сорт пшеницы
у л ы к — каменное корыто
у п а н а л к а — деталь ткацкого станка
у т ы — деревянное ведро для перевозки винограда с поля
у х 6 — 1) ухо; 2) ручка посуды
у ч к ў р — гашник
- Ф а й ч к а** — кухня в доме
- Ф а н д ы к** — плохая мелкая шерсть
Ф а й т — сени
Ф и д ы к и (мн.) — молодые побеги
Ф и м ы й — хмель
Ф и н ы р — фонарь
Ф и т а р ы я — грядка
Ф и т ы л к а — фитиль
Ф т ы ш т и (мн.) — шелковичные черви
Ф у г ы н — фуганок (столярный)
Ф ъ р к у л ы ц а — вилка
Ф ъ р к у л ы ч н и к — скоба для вилок
Ф ъ р т ы н к и (мн.) — порода голубей
- Х а г ы л** — открытый загон для овец во дворе
х а з м ы н — кастрированное животное
х а й р ы н — напиток, приготовленный из кислого молока, разбавленного водой
х а л к ы — кольцо у двери
х а л ы в к а — головка (часть уздечки)
х а м б ы р — амбар
х а м ы т — 1) ярмо; 2) хомут
х а р д ы л — горчичное семя
х а р к — плата за помол
х а р л ы ц — заступ
х а с ы — бязь
х е р г е л ы — табун (лошадей)
х л а д ы ц — холодец
х о д ы л о — ступния (чулка)
х о р и ш т е — место, где собираются хороводы
х о р ы — хоровод
х р ы м е л — ручная мельница для муки; **х р ы м е л** за **б у л** — гүр — мельница для крупы
х р ы т ы ш и (мн.) — пирожки из пресного теста особой формы

х р ё т к а — гончая собака

х р я н — хрен

х у р к а — прялка

х у т у л — улей

х ъ л в ѳ — халва

Ц е д ѡ к — пёдилька

ц є л и н а — ползучая трава, употребляемая при солении перца и помидор

ц є п у н — часть ткацкого станка, скрепляющая нити основы

ци г á р и к — мундштук

ци ғ у м ѡ л к а — скрипка

ци кард и (мн.) — шварки

ци п а — слабое, больное животное

ци п у р и (мн.) — виноградные выжимки

ци к á м б о л а — шелковица

ци в и к л Ѳ — свекла

Ч а м с а к Ѣ з — канифоль

ч а р д á — коровье стадо

ч а р д á к — ветхий сарай

ч а р д á ч — деревянная крышка для мучного корыта

ч а р к — зубчатое колесо

ч а р ш á ф — покрывало

ч а т á л — столб, поддерживающий сломанную балку

ч а ў н — чугун

ч а ф р á н — шафран

ч е к р Ѣ к — мотальное колесо (для разматывания пряжи); чекрък

за г е р á н я — лебедка для вынимания земли из колодца

ч е н г ё л — багор (для доставания ведер из колодца)

ч є н у р — ручка перочинного ножа

ч є п к а — гровьд

ч е р в Ѣ ч е — шелковичный червь

ч є р е п — горшок для цветов

ч е р ё ш а — черешня

ч е р ё с л о — железный пест

ч є с а н — чеснок

ч е т и р и й к — четырехлэменный плуг

ч є т к а — 1) щетка; 2) помазок для бритья

ч є ш к а — расшитая сумочка, прибиваемая в доме на стене для мелких вещей

чи к м и ж ѡ — ящик (стола)

чи л и к — подкладка зимней обувной шапки

чи м ё р — смесь глины и соломенной резки, служащая для изготовления сырцовых кирпичей при постройке стен

чи с а л á — скребница для чистки лошадей

чи с к а , х а р д а л е н а ч и с к а — веялка для горчичного семени

ч є б р и к — чабер (душистая трава)

ч у в а л — мешок

ч у к — молоток

ч є к а л к а — машина для обмолота кукурузы

ч у к а л о — пест

ч у л — попона

ч у п а к — лиф платя

Ш а л — шаль

ш а п к а — 1) детский чепчик; 2) горелка

ш а р á — виноградный сок

ш а р ф а — шарф

ш е й н á — сани

ш є к а л к и (мн.) — косточки (счетов)

ш є л е — годовалый баран

ш є л о — шило

ш є н а — железная облицовка чего-либо

ши н д ё л о — тес
 ши н и к — мера сыпучих тел
 ши п р б н — трехстенный навес
 ши р й т — шелковый шнур
 ши ш ё — бутылка; ши ш ё д б л -
 и о т о — резервуар для керосина
 у лампы; ши ш ё г б р и о т о —
 ламповое стекло
 щи ш л я — сорт винограда
 шт а п к и (мн.) — зацепки для
 белья
 шу л ё к — кувшин для воды
 ш ў и к а — ветчина
 шу п а р — боров
 шу п и л к а — 1) шилька; 2) сапож-
     ные гвозди
 шу т а к — комолое животное
 шу ш у в а д и (мн.) — 1) ракушки;
     2) бусы из ракушек

шу ш ў л к и (мн.) — оборки у жен-
     ской одежды
 Ю р г ј н — стеганое одеяло
 ю з — мера жидкостей
 ю з у р — ручей
 ю ф т — юфть (сорт кожи)
 ю х к и й — лапшевник с салом и
     бройной
 ю ш к а — вышшка
 й б а — деревянные вилы
 я г о р ї д а — неэрельный виноград
 я д ё к — повод (часть сбруи)
 я м у р л ў к — верхняя мужская
     одежда
 я р к а — курица-молодка
 я р м а — пойло для свиней
 я с л а — ясли
 я т а к — носилки для соломы

С. Б. БЕРНШТЕЙН, Е. В. ЧЕШКО

ОТЧЕТ

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В БОЛГАРСКИЕ СЕЛА ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ УССР
В АВГУСТЕ 1950 ГОДА

В ходе работы по картографированию диалектологического материала болгарских говоров южной части Измаильской области УССР (территория б. южного Буджака) выяснилось, что без обследования языка болгарских сел Приазовья невозможно восстановить первоначальные диалектные типы многих говоров. В связи с этим еще в начале 1949 г. было предпринято предварительное обследование языка ряда приазовских сел (Райновки, Дяновки, Радоловки и Гюневки), что дало возможность разобраться в сложных и противоречивых особенностях говоров сел Вайсала и Лощиновки¹.

Перед экспедицией 1950 г. стояла задача полного обследования всех приазовских сел. Это обследование тем более было необходимо, что некоторые бессарабские говоры в настоящее время представлены только в Приазовье (говоры сел Тропоклу, Новопокровки, Бабели и Нового Карагача).

В экспедиции принимали участие лингвисты-болгароведы Института славяноведения, а также аспиранты и студенты-болгароведы Московского и Ленинградского университетов. В составе экспедиции работало шесть групп. Были обследованы говоры следующих сел: Софиевки (Андреевский район),

¹ Подробнее об этом см. в статье И. К. Буиной. Из историй-вайсальских говоров. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. II, М.—Л., 1950.

Палаузовки, Траяна, Андровки, Луначарского (Осипенковский район), Инзовки, Преслава, Коларовки, Вячеславовки, Мариновки, Бановки, Зеленовки, Манойловки, Петровки, Ановки (Приморский район), Перво-Николаевки, Федоровки (Ново-Васильевский район), Ботева, Строгановки, Степановки, Богдановки, Гирсовки, Надеждина (Приазовский район), Большой и Малой Терновки (Акимовский район). Кроме того, были обследованы села Димитровка, Александровка и Волканешти Акимовского района, в которых болгар почти нет. Основное население этих сел составляют гагаузы.

Приазовские болгарские говоры были в свое время обследованы академиком Н. С. Державиным¹. Он дал описание наиболее важных говоров и установил связь приазовских говоров с говорами Бессарабии. В большинстве случаев эта связь установлена правильно. Однако следует указать и на некоторые ошибки. Так, болгары приазовского села Бановки являются переселенцами не из Таш-Бунара, а из Бановки. Из той же Бановки пришли болгары села Мариновки. Болгары села Надеждино пришли не из Тропоклу, а из Нового Кара-гача. Основное население села Степановки пришло не из Чешмы-Варуиты, а из Болграда.

В связи с этим языковая характеристика некоторых сел в книге Н. С. Державина оказывается неверной. Так, характеризуя язык сел Гирсовки и Надеждина, автор приводит материал только одного села (Гирсовки). В действительности же говоры этих сел принадлежат к совершенно различным диалектным типам. На основании описания академика Державина можно прийти к заключению, что в Надеждине представлена членная форма м. р. ед. ч. $\alpha - \ddot{\alpha}$. В действительности эта членная форма представлена только в Гирсовке. Говор Надеждина принадлежит к группе **о**-диалекта.

В большинстве случаев переселенцы из одного села являются носителями одного говора. Но это не всегда так. Нами были отмечены случаи, когда в пределах одного бессарабского

¹ Н. С. Державин. Цит. соч.

села были представлены совершенно различные говоры. Это обстоятельство, объясняющее, очевидно, то, что при переселении в Таврию представители этих разных говоров разместились в различных селах, не всегда учитывалось академиком Н. С. Державиным, и поэтому он иногда объединяет разные говоры только на основании того, что носители их пришли из одного бессарабского села (например, говоры Райновки и Дяновки — говоры вайсальские, но совершенно различного происхождения и состава).

Переселенцы из бессарабского села Старый Траян основали в Таврии села Траяны и Андровку, которые почти примыкают друг к другу. В работе Н. С. Державина дано описание этого говора только по материалу села Андровки, но между говорами этих двух сел имеются существенные различия, свидетельствующие о сложном составе говора села Старый Траян. Так, говор Траян принадлежит к о-диалекту, тогда как в Андровке находим членные формы ъ-диалекта. В Траянах последовательно утрачивается звук х в начале слова и в интервокальном положении, в Андровке звук х последовательно сохраняется. В Траянах конечные мягкие согласные отвердели, в Андровке этот процесс не отмечен. Имеются и другие различия, свидетельствующие о том, что болгары, основавшие Старый Траян, пришли из разных мест Болгарии.

Естественно, что особое внимание было обращено на изучение тех приазовских говоров, которых нет в Бессарабии.

В селе Надеждине живут переселенцы из бессарабского села Новый Карагач. В 1862 г. все жители этого села переселились в Таврию, основав здесь село Надеждино, которое прежде называлось Махла или Каруга. В Новом Карагаче Измаильской области после ухода болгар поселились украинцы.

Новокарагачский говор является смешанным по составу. В своей основе это говор фракийский, однако он испытал сильное влияние сливенского говора, что сказалось на его грамматическом строе и на лексике.

В селе Гирсовке живут переселенцы из бессарабского села Тропоклу, в котором болгар сейчас не осталось. Небольшое

число болгар переселилось из соседних с Тропоклу сел (Бургудж, Делджилер и др.). Местные жители часто село Гирсовку называют селом Тропоклу. Говор села Гирсовки (Тропоклу) принадлежит к сливенской группе говоров. Сливенский говор обнаружен нами и в селе Федоровке, жители которой переселились сюда из бессарабского села Новопокровки. Сообщение академика Н. С. Державина, что здесь, кроме переселенцев из Новопокровки, были переселенцы и из Твардицы, не подтвердилось.

Большой интерес представляет говор села Терновки — почти единственный западноболгарский говор на территории Советского Союза. По ряду признаков этот говор противостоит всем другим болгарским говорам Советского Союза. Основные из этих признаков: 1) е на месте старого ъ во всех фонетических условиях (*леп*, *лёту*, *мёсту*, *бел*, *млёку* и т. п.); 2) более слабая, чем в других говорах, редукция безударных гласных; 3) изменение мягкого к в ти г в д (*мáйт'a*, *диráн*); 4) личное местоимение 1-го лица ед. ч. — *ja*; 5) третье лицо: *он*, *она*, *онó*; 6) флексия м в 1-м лице ед. ч. глаголов настоящего времени (*ja нéjem*, *ja печéм*, *ja предéм*); 7) утрата конечного х в формах аориста; 8) частица будущего времени *че*.

Обнаружены глубокие различия в области лексики: *сákам* (в других говорах — *йскам*), *обрáзи* (в других говорах *бúзи*, *стърни*), *пéсница* (в других говорах — *јумрúк*), *кáпа* (в других говорах — *шáпка*, *калпáк*, *нос*), *саджíк* (в других говорах — *тирустíя*), *деэдíме* (в других говорах — *тербáи*, *кáнтармý*, *вóжи*), *лубени́ца* (в других говорах — *бýн'a*, *карпúза*), *кукурúс* (в других говорах — *папышóи*, *мáмýл'a*, *папýр*, *гéлаби*), *плóфка* (в других говорах — *іурдéчка*, *ráца*), *пýiek*, *пýika*, (в других говорах — *мисýр*, *мисýрка*, *куркáн*, *гýтка*, *фит*, *фýтка* и др.), *ўма* (в других говорах — *пръс*, *гнýла*) и т. п.

Академик Н. С. Державин указывает, что на месте ъ в терновском говоре представлен звук ѹ (открытое широкое е). Это явление *нáми* было в свое время отмечено в ольшанском говоре. В современном терновском говоре обычно произносят ъ.

Лишь в отдельных словах в произношении некоторых лиц отмечен звук *ä*, например, *кäштä*.

Много внимания было уделено изучению языка сел Коларовки и Вячеславовки, жители которых переселились из бессарабского села Еникёй. В настоящее время в Еникёе тоже живут болгары, но так как после ухода большей части основного населения в Таврию в Еникёй переселилось много болгар из других бессарабских сел, современный еникёйский говор представляет большое число вариантов, среди которых трудно, а иногда и невозможно определить исконные еникёйские формы. Коларовский и вячеславовский говоры — очень близкие в своей основе — дают ясное представление о старом еникёйском говоре, несмотря на то, что здесь они подверглись влиянию долукёйского говора.

Переселенцы из бессарабского села Долукёй основали в 1862 г. село недалеко от Нельговки. Село это в результате стихийного бедствия было разрушено. Часть жителей вернулась в Бессарабию, но основная масса населения осталась на месте. Большинство долукёйцев поселилось в селах Коларовке и Вячеславовке. Встречаются отдельные долукёйские семьи и в других селах.

Долукёйский говор северо-восточного, типа резко отличается от еникёйского говора Коларовки и Вячеславовки, представляющего многие характерные черты южных говоров. Естественно, что победил еникёйский говор. Однако некоторые особенности долукёйского говора в виде отдельных вариантов к основным формам встречаются и в настоящее время. Так, в старом еникёйском говоре на месте исконного *ъ* под ударением всегда произносился звук *'a*. Теперь же и в Коларовке и в Вячеславовке, наряду с формами *направ'ати*, *л'áтен*, *см'áшен*, *с'áми*, *б'áли*, находим — *смёшен*, *врёми*, *недёл'а*, *направёти*, *грéшен* и др.

Особенно сильно влияние долукёйского говора обнаруживается в Вячеславовке. Важно указать, что северо-восточный тип чередования *a* — *e* никак не отражен в словах типа *жáби*, *чáши*, *Стоjáне*, *уфчáри*. Здесь сохраняется старая

особенность еникейского говора. Интересно, что в самом Еникее полностью утвердился северо-восточный тип произношения ъ и лишь отсутствие чередования а—е на месте а (*жаби*, *шапки* и т. д.) выдает южную основу этого говора. Вообще еникейский говор после ухода значительной части населения в Приазовье и пополнения села новыми поселенцами претерпел значительные изменения. Так, в говоре полностью утрачена форма о-диалекта, прекрасно сохранившаяся в говорах Вячеславовки и Коларовки; утрачено произношение идён (форма, широко известная во фракийских говорах); утрачена частица будущего времени жъ, известная в селах Коларовке и Вячеславовке (встречающаяся в этих селах форма *ше* — долукейского происхождения). Коларовский и вячеславовский говоры хорошо сохраняют старую еникейскую лексику: *штерка* (в современном Еникее — *даште^чр'а*), *прижиглб* (в Еникее — *привиалб*), *гудук* (в Еникее — *куркан*) и т. д.

Переселенцы из села Калинчак (Дермендере) основали в Приазовье два села — Цареводаровку (ныне Ботево) и Строгановку. После ухода части населения из Калинчака сюда прибыла группа переселенцев из Болграда. В связи с этим в современном калинчакском говоре в некоторых случаяхходим дублетные формы. Современные ботевский и строгановский говоры дают возможность при наличии дублетов безошибочно определить исконную форму, например, в современном Калинчаке находим варианты: *чул'ак* — *чил'ак*, *жул'азу* — *жил'азу*.

Материал ботевского и строгановского говоров показывает, что формы *чил'ак*, *жил'азу* — основные, а *чул'ак*, *жул'азу* — заимствованы из болградского говора.

В 9 км. от г. Осиенко расположено болгарское село Луначарское (б. Кутдата). О языке этого села в книге академика Н. С. Державина нет никаких сведений. Не показано оно и на карте болгарских сел, приложенной к книге. По сообщению местных жителей, это село когда-то называлось Ивановка, позже Николаевка (или Второ-Николаевка). В отличие от других сел здесь поселились переселенцы из различных

бессарабских сел. Говор села смешанный, чийшийского типа в своей основе, подвергшийся сильному влиянию русского языка, а также влиянию говоров сливенского и южных.

Старые чийшийские говоры южной Бессарабии (Таш-Бунар, Бановка, Импутица, Карагач), в результате передвижения болгарского населения в начале 60-х годов прошлого столетия, претерпели сильные изменения: в эти села переселились носители других говоров. В Приазовье же, наоборот, именно эти говоры сохранились почти без всяких изменений. Говор Таш-Бунара, представленный в селах Инзовке и Преславе, хорошо сохраняет старые чийшийские особенности. То же самое можно сказать о говорах Зеленовки и Манойловки (переселенцы из Импутицы), Мариновки и Бановки (переселенцы из Бановки), Ановки, Петровки и Перво-Николаевки (переселенцы из Карагача).

Среди группы чийшийских говоров некоторые лексические особенности представляет говор Карагача. Укажем на слова *летій дъэсд*, *бóтка* (*вýлка*, *фуркулýца*), *дурмáн'ак* (*киптár*), *гníла* (*пръс*) и др.

Переселенцы из села Кирнички основали в Приазовье село Палаузовку, о котором нет никаких сообщений в книге академика Н. С. Державина. Не показано оно и на карте.

Изучение языка жителей села Палаузовки обнаружило наличие двух говоров, резко отличных один от другого. Выяснилось, что здесь поселились не только болгары из Кирничек, которых здесь называют «кукери», но и переселенцы из Бабели, так наз. «баблинци». Говор «кукерей», являющийся господствующим говором села Палаузовки, принадлежит к типу сливенских говоров. Язык «баблинцев» легко выдает их шуменское происхождение. Что касается села Бабели, то о нем ничего определенного сказать нельзя, так как там в настоящее время болгар нет. Оба эти говора оказывают друг на друга сильное влияние. Так, в языке «кукерей» усвоены некоторые особенности баблинского говора. Еще более сильному влиянию подвергся баблинский говор, который в наши дни уже исчезает.

Близкий к баблинскому говор Чешмы-Варуиты очень хорошо сохраняется в селе Богдановке Приазовского района. Между говорами Чешмы и Богдановки нет никакой разницы. Иначе сложилась судьба этого говора в селе Степановке, где кроме переселенцев из Чешмы поселилось много болгар из Болграда. Господствующим здесь является болградский говор сливенского типа.

Переселенцы из Суворова (Шикирли-Китай) основали село Софиевку, Говоры в этих селах почти не отличаются друг от друга.

Собранный летом 1950 г. диалектологический материал имеет существенное значение для определения исконных форм болгарских говоров Измаильской области УССР.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	3
<i>С. Б. Бернштейн.</i> Болгарские говоры южного Буджака	5
<i>Е. В. Чешко.</i> К истории кайраклийского говора (Болгарский говор села Лощиновки Болградского района Измаильской области УССР)	21
<i>Е. В. Чешко.</i> Из итогов второй диалектологической экспедиции в болгарские села Измаильской области УССР, проведенной летом 1949 года	76
<i>Т. В. Швецова.</i> Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы	84
<i>С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко.</i> Отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Запорожской области УССР в августе 1950 года	99

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

**Редактор издательства Г. А. Лесскис
Технический редактор Е. В. Зеленкова
Корректор Н. Н. Певцова**

*

**РИСО АН СССР № 4888. Т-01387. Издат. № 3307.
Тип. заказ № 1669. Подп. к печ. 18/III 1952 г.
Формат бум. 60×92 $\frac{1}{4}$. И печ. л. 6,75. Бум. л. 3,37
Уч.-издат. 5,6. Тираж 2000.**

Номинал по прейскуранту 1952 г. 3 р. 25 коп.

**2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10**

20

~~30~~

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
33	3 св.	съни	сни
67	14 св.	ъ	ѣ

Болгарская диалектология, вып. 2.

3 p. 25 коп.